

32
М. 139

Кирилл Трофимович

МАЗУРОВ

**К 80-летию
начала профессиональной
деятельности**

Минск «Право и экономика»

32
М 139

Кирилл Трофимович
МАЗУРОВ

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
К 80-летию
начала профессиональной
деятельности

Президентская библиотека
Республики Беларусь

Минск
«Право и экономика»
2020

УДК 338.2(1-87+476)+Мазуров
ББК 63.3(2)6Мазуров
К43

Серия основана в 2020 году

Редакционный совет:

П.Г. Никитенко, В.Г. Гавриленко, С.М. Гайдук, А.И. Зеленков, А.Б. Елисеев,
Н.Г. Лобач, Г.Ч. Лянькевич, В.Т. Осипов, В.М. Пташник, Л.Н. Харина

Составители:

Г.Ч. Лянькевич, Н.Г. Лобач

К43 **Кирилл Трофимович Мазуров**: к 80-летию начала профессиональной деятельности / сост. Г.Ч. Лянькевич, Н.Г. Лобач. – Минск : Право и экономика, 2020. – 146 с.: ил.
ISBN 978-985-552-915-7.

В книге отражены важнейшие вехи жизненного пути, развития теоретической мысли и практической деятельности К.Т. Мазурова – первого секретаря ЦК КПБ (1956 – 1965), Председателя Совета Министров БССР (1953 – 1956) и первого белоруса, ставшего членом Политбюро ЦК КПСС.

Адресуется экономистам, политологам, историкам, философам и всем, кто интересуется политической и экономической историей страны.

УДК 338.2(1-87+476)+Мазуров
ББК 63.3(2)6Мазуров

ISBN 978-985-552-915-7

© Составление. Г.Ч. Лянькевич, Н.Г. Лобач, 2020
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2020

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
ЧАСТЬ I. Мазуров К.Т. Избранное	25
1.1. Истоки	25
1.2. Нашествие	38
1.3. Отпор	40
1.4. Восстановление	45
1.5. Интервью, которое не успели стереть	55
1.6. Назад дарогі няма	66
1.7. Память о Беларуси	70
ЧАСТЬ II. Великой страны гражданин	78
2.1. Память об отце и гражданине	78
2.2. Размышления о человеке и гражданине великой страны	87
2.3. Слово о подвиге офицера	95
ЧАСТЬ III. Основные даты и события профессиональной и военно-политической деятельности К.Т. Мазурова	102
Кирилл Мазуров: личность планетарного масштаба и незабываемые грани его белорусской судьбы (Вместо эпилога)	110
ПРИЛОЖЕНИЕ	123
Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Белорусской Советской Социалистической Республики орденом Ленина»	123
Резолюция внеочередного XXIII съезда КПБ (Извлечение)	124
О выполнении промышленностью республики семилетнего плана	125
Выпуск в БССР важнейших видов промышленной продукции (1940 – 1980 гг.)	126
Динамика изменения показателей социально-экономической эффективности развития БССР в системе СССР (за 1965—1980 гг.)	127
ФОТОАРХИВ	128
I. Кирилл Трофимович Мазуров и его время	128
II. Наследники Кирилла Трофимовича Мазурова	140
III. Учреждения, в которых почитается память К.Т. Мазурова	142

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем дальше уходит время Кирилла Трофимовича Мазурова, Петра Мироновича Машерова, тем величественнее и значительнее становится масштабность их личностей в нашей истории. Всем своим вселенским Разумом, мыслями, принципами, поступками, философией неукротимого созидания они воздвигнули себе в памяти и сердцах белорусского народа нравственно-духовный памятник.

Являясь Первым секретарем ЦК ЛКСМБ, Мазуров с 1946 г. работал вместе с Машеровым в комсомольском штабе республики. С 1959 г. они работали вместе в Центральном комитете КПБ. Однако этим событиям предшествовала Великая Отечественная война, которую Мазуров встретил в пограничном Бресте ранним утром 1941 года (с октября 1940 г. он являлся первым секретарем обкома ЛКСМБ). Были и трудные испытания последующего восстановительного периода. В 1965 году по предложению и при поддержке Кирилла Трофимовича, в том числе в Политбюро ЦК КПСС и Бюро ЦК КПБ, Петр Миронович Машеров возглавил республику. В итоге их совместной почти 30-летней деятельности, в частности в Бюро ЦК КПБ, сформировался прочный партийно-государственный дуэт Мазурова – Машерова, сыгравший определяющую роль в успешном развитии республики.

В 1960 – 1970 годы Беларусь представляла собой инновационный «сборочный цех» СССР. При этом темпы её развития были выше чем в других республиках. За этот период свыше среднесоюзного уровня в БССР были фондоотдача, рентабельность, производительность труда, прибыль и другие показатели во всех отраслях народного хозяйства.

В успехах республики была велика роль науки. С 1960 по 1980 гг. вся наука (фундаментальная, отраслевая и вузовская) достигла своего расцвета. Престиж ученого и главного штаба науки – республиканской академии наук был поднят на самый высокий материальный и моральный уровень в обществе, что позволило более эффективно решать все вопросы развития экономики и других сфер жизни общества.

В памятном 1965 г. по инициативе и под руководством Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина началась экономическая реформа. Вероятно, не случайно, начиная столь трудное дело, своим первым заместителем Косыгин избрал Кирилла Трофимовича Мазурова. Косыгинско-Мазуровская реформа ставила своей целью освободить экономику, всю жизнедеятельность народов СССР от культа капитала, прибыли, тотального администрирования путем введения в хозяйственный, экономический (стоимостной) оборот накопленного рукотворного национального и природного богатства. На базе сохранения общественной и государственной собственности разрабатывались механизмы и методы

хозяйственного расчета, предусматривавшего экономические стимулы повышения интенсификации, эффективности труда и лучшего использования национальных фондов.

Как отмечал Кирилл Трофимович Мазуров, для экономической оценки эффективности деятельности трудовых коллективов, областей и регионов, в том числе в БССР, вводились такие показатели, как доход, фондоотдача (фондоёмкость), плата за фонды, фондовооруженность и производительность труда, материалоемкость и энергоемкость. Важным показателем стала рентабельность продукции как отношение объема реализованной продукции к стоимости фондов и др.

В предлагаемой читателю книге много внимания уделяется проблемам и особенностям реформы, которая направляла интеллектуальные и профессиональные трудовые ресурсы в русло стоимостного природосберегающего хозяйствования. В частности, на основе поиска путей внедрения достижений мирового научного и научно-технического прогресса. Сегодня это называется инновационным и устойчивым развитием. К сожалению, Л.И. Брежнев и его окружение не дали в полной мере реализовать эти планы, о чем будет сказано ниже. Однако многое из этих планов было реализовано в Республике Беларусь под руководством Главы государства А.Г. Лукашенко в начале XXI века.

Патриотические и созидательные ценности, сформировавшиеся в белорусском обществе в то время трансформировались в молодом поколении. Эти ценности оберегают наш социум от опасной духовной коррозии противоречивого и конфликтного XXI века. Вместе с тем эти ценности, помогая растить творцов инновационной эпохи, способствуют сохранению национальных особенностей белорусов.

Мы надеемся, что никого не оставит равнодушным образ мысли и жизни легендарного, талантливого и праведного человека – Кирилла Трофимовича Мазурова, так много сделавшего для сохранения государственности и исторической памяти нашего народа.

*П.Г. Никитенко,
академик НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор,
номинант Нобелевской премии по ноосферной
экономике и Лауреат Китайской премии
ООН династии Тан по устойчивому развитию*

ВВЕДЕНИЕ

В книге «Незабываемое» Кирилл Трофимович Мазуров (1914–1989), высказывая сокровенные мысли о былом, о комсомольской молодости, нередко выходил на философские размышления об «уникальном создании природы – человеке, ... о смысле существования человечества», о его Вселенской миссии [1, с. 7; 2, с. 90]. И в этом политик, экономист и философ – диалектик, которым себя называл К.Т. Мазуров, выступает с пионерными суждениями, близкими по смыслу персонализму, концепцию которого разрабатывали наши земляки-белорусы, в частности Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965).

Как нам уже приходилось отмечать, сегодня Вселенским разумом и духом всё больше наполняется содержание белорусской модели социально-экономического развития, основы которой, включая материальную базу, образ жизни народа, закладывались ещё во времена, когда БССР руководили К.Т. Мазуров, П.М. Машеров и некоторые другие их выдающиеся коллеги [3, с. 329].

По мнению профессора А.Ф. Хацкевича, высказанном в книге, посвященной 80-летию Кирилла Трофимовича, со «школы Мазурова» вышли такие выдающиеся руководители Беларуси как П.М. Машеров, Ф.А. Сурганов, С.В. Притыцкий, И.Е. Поляков, А.Н. Аксёнов, И.Ф. Климов и некоторые другие. Сам же Кирилл Трофимович, наряду с отмеченными, называл Н.Е. Авхимовича, Т.Я. Киселёва и комсомольских собратьев военного времени [2, с. 16, 50].

К списку достаточно близких К.Т. Мазурову людей, вероятно, следует добавить такие известные у нас в стране имена как М.В. Зимянин, Н.С. Патолличев, П.К. Пономаренко, а также земляка – гомельчанина А.А. Громыко, вместе с которыми Кирилл Трофимович проходил испытания Вселенскими и другими международными кризисами (войны, угроза ядерного апокалипсиса, острые конфликты в связи с агрессией США против Кубы). Ведь по утверждению Мазурова, когда возникала угроза военного столкновения, собирали (в Кремле) полный состав Президиума (Политбюро ЦК КПСС). В ходе обсуждения кризисных ситуаций в мире одним из важнейших экспертов выступал белорусский лидер. В частности, - в Организации Объединенных Наций [2, с. 84–90]. Конечно же, участником всех этих обсуждений был и земляк Мазурова – Андрей Андреевич Громыко, кстати, ставший членом Политбюро ЦК КПСС почти на десять лет позже Кирилла Трофимовича.

Обо всём об этом уместно вспомнить в связи со знаменательной датой – 75-летием Великой Победы, в которую свой вклад внесли и отмеченные выше руководители партизанского движения.

Нельзя забывать и ещё одну важную дату. В год 20-летия Победы (1965) в СССР под руководством А.Н. Косыгина, К.Т. Мазурова и их коллег,

начиналась экономическая реформа, которую, к сожалению, им не дали довести до логического завершения. С момента этого исторического события, следствием которого стали и грандиозные социально-экономические свершения в БССР, можно вести отсчёт и многих успехов Республики Беларусь.

С чего же всё начиналось? Где истоки биографии выдающегося руководителя БССР и СССР Кирилла Трофимовича Мазурова?

Вероятно, следует согласиться с мнением известного политолога, бывшего помощника первых секретарей ЦК КПБ В.П. Величко: «Без сомнения, правильное отношение к жизни, подлинные человеческие качества, сформировавшие личность...» закладываются родителями [4, с. 15].

Добавим к этому верному выводу следующее суждение. В первые послереволюционные годы во многих семьях в Беларуси сохранялись ещё патриархальные обычаи. Взрослые сыновья продолжали жить в сообществе, которым руководил самый старший и авторитетный член этого коллектива. Например, в семействе Мазуровых жили родственники числом в 16 душ. Им управлял Иван Лавренович – отец революционеров-большевиков и дед будущего члена Политбюро Коммунистической партии Советского Союза.

На наш взгляд, именно этот образ жизни в коммуне во многом и предопределил партийную судьбу Василия и Кирилла Мазуровых, а ещё ранее их старших родственников. И наоборот, дружное семейное, достаточно уютное гнёздышко, которое создали в молодости Машеровы, родители Петра Мироновича, не было предрасположено к грубому, а порой и циничному вмешательству внешних враждебных сил. Особенно трагичными для таких семей было время ломки вековых устоев, в первую очередь, - коллективизация. Именно поэтому организация колхозов в одном случае прошла почти незаметно (для Мазуровых), а в другом (у Машеровых) - вызвала обиду, боль и даже страх. Трудно сказать, как бы могла сложиться дальнейшая жизнь у талантливого учителя физики и математики, ставшего в одночасье сыном «врага народа», если бы у Петра Мироновича после жестоких испытаний войны на груди не появились заслуженные боевые награды и Звезда Героя Советского Союза. Кстати, среди наград Машерова было семь орденов Ленина. И у Мазурова их было несколько (пять), что весьма символично для руководителей партии, называвших себя ленинцами.

У Кирилла Трофимовича путь к высоким и ответственным должностям был более прямой и начался (как и у его старшего брата Василия) ещё за десятилетия до Великой Отечественной войны. Вероятно, не случайно в своих мемуарах главу «Истоки» Кирилл Трофимович начинает с рассказа о любимом дедушке Иване, который увлекался религиозно-философскими сочинениями, в частности трудами Л.Н. Толстого. Он многое из своих увлечений и идей сумел передать детям и внукам [1, с. 35].

Представляется вполне закономерным, что сыновья Ивана Лавреновича очень рано стали интересоваться политикой, выписывали газеты, жур-

нал «Нива», а после революции очень заинтересовались работами В.И. Ленина [1, с. 36]. Кирилл Мазуров очень любил и уважал своего деда Ивана, который много уделял внимания внукам, рассказывал им разные поучительные истории. Однако на воспитание детей Трофима Мазурова решающим оказалось влияние отца, обладавшего ярко выраженным талантом воспитателя, а чуть позже - дяди Родиона, рабочего-большевика с революционным стажем.

В этой связи возникает ещё один вопрос: случайно ли внуки Ивана Лавреновича, обладавшего философским складом ума, и дети Трофима Ивановича, лучшего мастерового и политика среди сельчан, в достаточно юном возрасте стали комсомольскими активистами? Вероятно, именно в такой семье и в той особой общественной обстановке 20–30 годов прошлого века могли и должны были формироваться будущие партийные работники. В частности, Кирилл и его старший брат Василий, которые 22 июня 1941 года встретили на высоких и ответственных постах в Брестской и Белостокской областях соответственно. Но жизнь братьев Мазуровых имела и существенные особенности, что, вероятно, и предопределило, в конечном итоге их последующую судьбу.

Кирилл Трофимович вспоминал, что в детстве, в отличие от братьев, жил в семье дяди Родиона в Гомеле и учился в железнодорожной школе. Приезжая на летние каникулы домой, помогал отцу и старшим братьям в крестьянской работе – пас скот, пахал, косил траву, убирал хлеб. Здесь же, в деревне Рудня, Кирилл стал постигать и первые азы грамоты, в том числе политической. Не только в городе, но и в деревне почти ежедневно проходили собрания, беседы в избечитальне, а то и митинги. Часто приезжали в деревню шефы-рабочие из Гомеля. Общественная жизнь тогда бурлила и в деревне, и в городе. Бурлила жизнь и в Гомельском автомобильно-дорожном техникуме, где в 1929–1933 годах Кирилл Мазуров приобретал профессиональные знания.

В годы восстановительного периода, когда начала возрождаться промышленность, и в годы нэпа, старшие братья Семён, Василий и сестра Кирилла Софья работали на строительстве железной и шоссейной дорог Гомель – Чернигов, а после завершения строительства на предприятиях города.

Родителям и другим родственникам в меру сил стремился помогать активный юноша, охотно участвовавший в общественной работе (ещё в школе Кирилл стал пионервожатым). Будущий комсомольский и партийный работник стремился во всем быть похожим на отца, дядю и старших братьев, отличавшихся честностью, трудолюбием и целеустремлённостью в жизни. [1, с. 41].

В то время в Гомеле, как и по всей Беларуси, технических вузов почти не было. Специалистов для различных отраслей экономики готовили техникумы и фабрично-заводские училища. Программа Гомельского автомобильно-дорожного техникума, в котором учился Кирилл, помимо обществоведения, литературы, русского и немецкого языков, включала большой курс

сложных технических предметов, таких как начала высшей математики, строительная механика, геология, геодезия, гражданские сооружения, дорожные машины, правила технической эксплуатации железных и шоссейных дорог, эксплуатация автомобиля. Четыре года учёбы, как вспоминал Мазуров, были исключительно напряженными. Вероятно, Кирилл Трофимович имел в виду не только учёбу, но и активную общественную работу [1, с. 45].

Большую трудовую школу прошёл студент и молодой специалист во время практик (стажировки), которые организовывались после каждого учебного года. Так, например, первый курс завершился работой на объектах гражданского строительства в Гомеле. Практика после второго курса проводилась в целях изыскания путей сообщения и проектирования дорог, мостов и специальных объектов на границе (старой границе СССР и БССР с Польшей). Это была, как отмечал Кирилл Трофимович, очень интересная работа. Он исходил пешком значительную часть территории Беларуси, закрепил свои знания в геодезии, в области проектирования, многое увидел и познал, вращаясь в кругу специалистов.

После третьего курса некоторым студентам посчастливилось работать на строительстве моста через Днепр у Речицы. Кирилл Мазуров исполнял здесь обязанности прораба-стажера. Стройка была интересной и во многом поучительной. Мост строился из железобетона, что в те времена делалось ещё редко. Практика дала многое для успешного завершения дипломного проекта и последующей работы в городах и деревнях Беларуси [1, с. 48]. Защитив диплом в апреле 1933 года, Мазуров получил назначение на должность техника Паричского районного дорожного отдела. Именно здесь, в Паричах, точнее в Паричах и деревне Кобыльщина, а затем в Комарине, куда Мазуров был переведен с повышением по службе, он постиг очень многое в жизни трудового белорусского народа. К тому же, в Комарине сосредоточилась группа довольно образованных людей (в основном с педагогическим и экономическим образованием), у которых молодой специалист многому научился. Лидером среди интеллигенции районного центра был секретарь райкома партии А.П. Эльман, много внимания уделявший культурному росту и политической учёбе комсомольского актива. (Не исключено, что большая активность этого секретаря стоила ему жизни в ходе репрессий последующих лет). В благодарной памяти Кирилла Трофимовича осталось навсегда многое, чему учил его Андрей Петрович Эльман, включая собрания, лектории, драматические спектакли в Доме культуры [1, с. 52]. Выскажем предположение: возможно, те драматические роли, которые предлагал секретарь райкома и его коллеги Мазурову, а ещё более его трагическая судьба, как ничто другое научило Кирилла Трофимовича осторожности, внимательности и бдительности.

Кстати, в Гомельской области не было такого жестокого (людоедского) голодомора как в соседней Украине, но поголодать пришлось изрядно и молодому специалисту, получившему диплом престижного по тем временам автомобильно-дорожного техникума. Стихийные бедствия начала 1930 годов

подорвали и без того слабую экономику колхозов. Давал знать о себе и острый недостаток техники, особенно тракторов. Об автомобилях специалисту-автомобилисту и дорожнику Мазурову приходилось только мечтать. (Кстати, об этом же пламенно мечтал в конце 1920-х годов в деревнях Голочинского района и будущий работодатель Мазурова, а тогда такой же молодой специалист из Курского техникума Леонид Брежнев).

На фоне стихийных бедствий нерадивость в работе, халатность, которые приводили к потерям урожая, выглядели вредительством и саботажем. Несвоевременное выполнение планов квалифицировалось как антигосударственные действия. Лишь через много лет после войны К.Т. Мазуров узнал об истинных масштабах этих якобы антигосударственных действий, о «польских» шпионах, о белорусских националистах. С этим клеймом было уничтожено, сослано целое поколение партийных руководителей, а также белорусских интеллигентов. Лишь случайно, некоторые из них, например, секретарь Жлобинского РК КПБ В.Е. Чернышев, с которым позже дружил Мазуров, остались живы [1, с. 53; 2, с. 21].

Многое, очень многое для последующей работы в Гомеле и Бресте (1938–1941 г.г.), а ещё более в сложный послевоенный восстановительный период в Минске, дала Мазурову учёба на курсах в Ленинграде и Москве (1937, 1939 г.г.). Эта учёба также предопределила изменения жизненного пути Кирилла Трофимовича. По его словам, они произошли после назначения заведующим военно-физкультурного отдела Гомельского обкома комсомола и последующего избрания секретарём Гомельского комитета ЛКСМБ (март 1940). Правда, на наш взгляд, надо учитывать и другие немаловажные обстоятельства.

В начале 1940 года армейский друг Мазурова Михаил Васильевич Зимянин стал секретарём ЦК ЛКСМБ, а старший брат Василий Мазуров был выдвинут на партийную работу. Можно также утверждать, как уже отмечалось, что у Кирилла Мазурова жизненный путь был предопределён ещё ранее. Кроме партийных традиций семьи, многое в судьбе молодых людей определялось во время службы в армии. Именно здесь в августе 1938 года Кирилл Трофимович был принят в партию, а членство в ВКП(б) создало благоприятную и совершенно обязательную по тем временам обстановку для последующего назначения Мазурова на ответственные должности в комсомольских структурах.

В «политорганах Витебского гарнизона и в полку», вспоминал член Политбюро ЦК КПСС, нашлись такие коммунисты (добавим, мужественные люди, только что пережившие массовые репрессии), которые поручились за Кирилла Трофимовича [1, с. 55–56]. Не забудем также, что если сравнивать судьбы и жизненные перспективы Мазурова и Машерова, то у одного из молодых людей были родственники-партийцы с революционным стажем, а у другого (Петра Мироновича) они числились «врагами народа». (Вспомним:

как много значили в советское время различные анкеты, биографии и автобиографии, рекомендации и поручительства. Будущему освободителю Витебска, Борисова и Минска И.Д. Черняховскому, например, потребовалось личное поручительство сестры Ленина – Марии Ильиничны, когда решался вопрос о его партийности, а следовательно, и службы в РККА).

И всё же следует подчеркнуть ещё раз: для будущих руководящих должностей в правительствах БССР и СССР, для высоких партийно-государственных назначений К.Т. Мазурову очень многое дало техническое образование, а также первичные должности по специальности в белорусской глупинке, опыт строительства мостов, железных дорог и даже метро (в Москве, по воспоминаниям дочери Натальи Кирилловны, член Политбюро ЦК КПСС Мазуров курировал 29 министерств и ведомств, включая пять строительных министерств и транспорт). Конечно же, для последующей карьеры в партии большое значение имел диплом ВПШ при ЦК ВКП(б), полученный Мазуровым в 1947 году.

В жизни и республики, и страны 1930-е годы были временем больших свершений. В предвоенные годы в БССР были введены в строй или реконструированы более 1,8 тысяч различных предприятий. Многие молодые люди, чьи родители строили эти предприятия, желали пойти в армию и защитить страну (например, К.Т. Мазуров, П.М. Машеров). Но по разным причинам в 1941 году они были призваны в армию с большой временной паузой. Особенно «отставались» в июне–июле 1941 г. девушки-комсомолки. Получив отказ в военкоматах, они уезжали на восток вместе со своими учебными заведениями. (Среди этих юношей и девушек оказался и земляк Кирилла Трофимовича, будущий директор школы в Сталинградской области Т.Я. Киселёв).

На плечи комсомольцев и их руководителей, особенно в Гомельской области, легла ответственность по отправке в тыл страны оборудования десятков заводов. Всего из БССР сумели эвакуировать в центральные регионы страны 124 крупные промышленные предприятия вместе с рабочими, инженерами и их семьями. (Через 20 лет К.Т. Мазуров порой встречался на Урале со своими земляками-гомельчанами, которые своевременно не смогли вернуться на родину; авторам известны люди с такой обычной по тем временам судьбой, а ещё больше тех, кто, как и школьные друзья Мазурова, не вернулся с войны).

В предвоенные годы большие изменения произошли во всех сферах жизни общества. Наряду с успехами индустриализации, поражали крупные достижения в создании современных линий коммуникаций, в том числе дороги Минск-Москва, Орша-Лепель-Полоцк, Гомель-Чернигов-Киев.

Продолжались преобразования и в сельском хозяйстве республики. Особенно трудными они были в Западной Беларуси, в частности в Брестской и Белостокской областях, где стали работать братья Мазуровы – Кирилл и Василий. К концу 30-х годов коллективизация в СССР почти завершилась.

Результатами коллективизации стали: ликвидация слоя зажиточных крестьян, разрушение индивидуального хозяйства как основной производственной единицы в деревне, снижение темпов сельскохозяйственного производства и сокращение его объемов. Вместе с тем коллективизация села во многом обеспечила Победу в жестокой войне с фашизмом.

Позже К.Т. Мазурову пришлось преодолеть много проблем и больших трудностей, чтобы ликвидировать диспропорции в развитии сельского хозяйства, к тому же, во многом уничтоженного фашистами. Но дело было не только в «диспропорциях» экономики. Проблема была в том, что население в западных областях Беларуси всячески противодействовало процессам коллективизации и нередко вступало в вооруженную борьбу с государственной властью, что ещё будет отмечено ниже.

После войны люди возвращались на пепелище в деревни и города. В том числе и в один из самых красивейших городов – Брест, где молодой комсомольский работник встретил 22 июня 1941 года. Весной 1940 года этот город поразил гомельчанина своей яркой зеленью, ухоженностью дворов, улиц и скверов. Вся эта красота, однако, вскоре была уничтожена под варварскими артобстрелами Бреста фашистами. При одной из атак передовых немецких подразделений недалеко от здания обкома комсомола чуть-было не погиб К.Т. Мазуров. А дальше был ад массированных атак авиации противника на варшавском шоссе, жестокие бои, оборона Гомеля, Киева и Харькова, окружение, госпиталь в Сталинграде и многое другое, о чём Кирилл Трофимович рассказал в своей книге «Незабываемое». (Некоторые главы этого редкого по своей правдивости мемуарного произведения размещены в первой части книги «Избранное». См. также § 2.3).

Родной для Кирилла Трофимовича Гомель был освобожден войсками Белорусского фронта 26 ноября 1943 года. Город и его окрестности лежали в руинах. В пригороде Гомеля Ново-Белице, где разрушения были чуть меньше, разместился ЦК ЛКСМБ во главе с К.Т. Мазуровым (первый секретарь ЦК М.В. Зиянин временно оставался в Москве). В это сложное время, как вспоминал Кирилл Трофимович, дел хватало всем. «Об отдыхе, о котором мечталось в тылу врага (Мазуров прибыл оттуда за несколько недель до освобождения Гомеля), и речи не могло быть» [1, с. 332].

Жители Гомельской области, как и все граждане Беларуси, несмотря на огромные людские потери, материальные трудности и лишения, с огромным оптимизмом взялись за возрождение республики. Помогала белорусам вся страна. Однако к 1946 году объём промышленного производства в БССР составил лишь 20% довоенного уровня. Опережающими темпами шло возрождение машиностроения. Восстановление лёгкой промышленности шло более медленными темпами. Медленно затягивали раны и сожжённые деревни Беларуси. Одной из самых острых проблем и в городе, и в деревнях оставалась жилищная. К 1950 году жилищный фонд удалось восстановить лишь частично.

Правда, в следующей пятилетке ситуация значительно изменилась. Было построено около 25 миллионов квадратных метров жилой площади. Население при помощи государства обустроило индивидуальные дома площадью в 1,5 миллиона квадратных метров. И что особенно важно, – сельчане смогли возвести 82 тысячи собственных жилых домов [5, с.199]. Успехи в промышленности в это время во многом обеспечивались за счёт перенапряжения крестьян. Колхозники платили непосильные налоги. Среди кабальных сборов кроме сельхозналога была также плата за скот, птицу, пчёл и даже за плодовые деревья и кустарники. Ко всему этому особенно враждебно относилось население Западной Беларуси. Нередки были случаи убийства советских, партийных и комсомольских работников. Несколько раз в предельно опасные ситуации попадал и Кирилл Трофимович, а также, ставший очень близким Мазурову комсомольский работник Пётр Машеров. Секретарь Вилейского и Молодеченского обкомов комсомола вместе с активистами неоднократно рисковал жизнью. В частности, вблизи деревни Друя Машерова и его товарищей спасла только партизанская смекалка, смелость и проверенный в боях автомат [5, с. 159]. Вероятно, секретарь ЦК ЛКСМБ К.Т. Мазуров спас от гибели Петра Машерова, переведя его в 1946 г. на работу в Минск. (Всего же от рук бандитов, как вспоминал Кирилл Трофимович, погибло несколько десятков активистов, в том числе и комсомольских).

Однако постепенно ситуация в западных областях, как и во всей республике, стала изменяться к лучшему. В этом была большая заслуга партийно-государственного аппарата, в том числе Кирилла Трофимовича Мазурова, который с октября 1947 года стал работать в ЦК КПБ. Несколько позже он был избран секретарём Минского горкома и обкома партии. Это было тяжелейшее время восстановления Минска из руин, строительства крупнейших заводов и фабрик.

Наиболее важным политическим событием послесталинского периода был бурный Пленум ЦК КПБ, когда коммунисты Беларуси отстаивали своего секретаря Н.С. Патолочева. В этом же, 1953, году Мазуров стал Председателем Совета Министров БССР, а летом 1956 года был избран Первым секретарём ЦК компартии Беларуси.

Это было время, когда в республике сложился, по словам Кирилла Трофимовича, «исключительно интересный – и в стиле работы, и в знаниях, и в жизненном опыте» коллектив единомышленников. Сформировался прочный и устойчивый круг людей, с которыми Мазуров работал до своего отъезда в Москву [2, с. 16].

В годы 5-й (1951–1955) и 6-й (1956–1960) пятилеток серьёзные изменения произошли в экономике республики. Опережающими темпами развивалась тяжёлая промышленность и прежде всего машиностроение. На полную мощность выходили тракторный, автомобильный и мотовелосипедные заводы. Минский автомобильный завод начал выпуск 25-тонных самосвалов МАЗ-525, 7-тонных автомобилей МАЗ-200 и автоприцепов. В 1957 году был создан первый образец 40-

тонного самосвала, который на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году получил высший приз. На Могилёвском металлургическом заводе в 1957 году был выпущен первый белорусский прокат [6, с. 48].

В 1951–1960 гг. в Беларуси было построено 307 новых крупных промышленных предприятий, в том числе Белорусский автомобильный завод (БелАЗ) в Жодино, подшипниковый и часовой заводы, а также камвольный комбинат в Минске. За первую половину 1950-х гг. объём продукции промышленности увеличился в республике более чем в 2 раза при плане 75–80%. Было преодолено отставание лёгкой и пищевой промышленности. В 1955 году произведено в 2 раза больше товаров народного потребления, чем пятилетием ранее. К началу 1960-х годов героическими усилиями народа, с которыми сливалась напряжённая работа партийного и государственного аппарата республики, была восстановлена столица, вскоре ставшая городом-Героем. Беларусь превратилась в один из основных центров развития науки и передовых отраслей экономики в стране.

Среднегодовые темпы роста продукции белорусской промышленности в 1951–1960 гг. были выше, чем в целом по СССР, и составляли примерно 14%. Достаточно успешно начало развиваться и сельское хозяйство Беларуси. Находясь в начале 1950-х гг. в кризисном состоянии, оно уже в середине этого десятилетия впервые за послевоенные годы стало рентабельным. За 1951–1960 годы объём сельскохозяйственного производства возрос в республике в 2,2 раза, тогда как в целом по СССР в 1,6 раза. [6, с. 483].

Осталось немало свидетельств коллег К.Т. Мазурова о его деятельности в Беларуси в тот период, когда он занимал в республике высшие руководящие должности. Вот, например, что вспоминал бывший секретарь Минского городского комитета партии и председатель горисполкома В.И. Шарапов: «Кирилл Трофимович знал Минск, ежедневно интересовался вопросами строительства, транспорта, торговли и бытового обслуживания ... Поражала глубина его взгляда на реальные вопросы жизни города. Я подчеркиваю: именно реальные. Мазуров никогда не вел дела на износ. Всегда оставался резервный запас. Когда в 1956 году в других районах страны ввели карточки, то население нашей республики не ощутило этих мер» [2, с. 70]. Вероятно, потому что успехи в работе Председателя Правительства БССР были очевидными, Мазуров и был выдвинут на вышестоящую должность – Первого секретаря ЦК КПБ.

В этой новой высокой должности его особой заботой был архитектурный облик города. Генплан развития Минска на перспективу, разработанный при участии ведущих архитекторов Советского Союза, Мазуров старался воплотить в жизнь. И то, что «белорусская столица была не только красивой, но и удобной для жизни, также следует отнести к заслугам Кирилла Трофимовича Мазурова», – считал весьма компетентный в этих вопросах специалист Василий Иванович Шарапов [2, с. 71].

Правда, очень жаль, что сегодня, когда говорят о планах (1965–1967 гг.) и строительстве Вилейско-Минской водной системы, за которую разработчики и строители были удостоены Государственной премии СССР, или о строительстве метрополитена в г. Минске (проект предварительно был одобрен коллегией Совета Министров СССР, а постановление подписал А.Н. Косыгин в 1977 г.), не всегда вспоминают о Мазурове. Ведь первым заместителем у Алексея Николаевича Косыгина в этот период был наш знаменитый земляк Кирилл Трофимович Мазуров. Напомним, что в это время Мазуров был и членом Политбюро ЦК КПСС. И, конечно же, все эти вопросы и документы обсуждались, и принимались в Правительстве СССР при активном, заинтересованном участии Мазурова. Отмеченное, кстати, полностью относится и к Национальному мемориалу «Хатынь», а также ко многим другим объектам, строительство которых могло (по правилам того времени) начинаться только после согласования с союзным Правительством, выделения им необходимых средств и денежных ресурсов. Об этом надо помнить и понимать нашу уже не близкую и столь противоречивую историю.

Разве можно нам забывать также о том, что за двадцать послевоенных лет были заново восстановлены крупные города. Не только Минск, но и Витебск, Гомель, Могилёв, Полоцк, Орша, Брест, Гродно, Барановичи и другие. В городах Беларуси выросли корпуса заводов и фабрик, появились новые учебные заведения, кинотеатры и клубы. Были возведены благоустроенные микрорайоны. Например, – в Минске на Партизанском проспекте, улицах Горького (Богдановича), Волгоградской, в микрорайонах Серебрянка, Чижовка и др.

В конце 1965 года в Минске проживало около 740 тысяч человек, а его территория раскинулась почти на 13 тысяч гектарах. На карте республики появились новые города: Новополоцк, Светлогорск, Солигорск, Жодино. Во всём этом была заслуга К.Т. Мазурова и его ближайших помощников, включая секретаря ЦК КПБ П.М. Машерова. Безусловно, в сложнейшей работе ЦК КПБ ведущую роль играл Кирилл Трофимович Мазуров, человек с большим чувством долга, опытный организатор и творчески мыслящий руководитель. Он прекрасно знал промышленность и экономику республики.

Слаженный дуэт Мазуров – Машеров, умело и уверенно вёл республику от одной к другой ступени планового развития. К концу 1965 года «валовая продукция промышленности превысила уровень 1958 года в 2,1 раза, энергетические мощности – в 3 раза, продукция химической промышленности – в 3,5 раза, строительных материалов – в 2,8 раза. Значительно повысились и материально-бытовые, и культурные потребности трудящихся республики, которые стали более полно удовлетворяться [5, с. 213].

В связи с тем, что в нашей прессе, не говоря уже об интернете, высказываются различные суждения о том, что Мазуров якобы очень завидовал

Машерову после перехода на работу в Москву, отметим самое главное и существенное в их отношениях в 1950–1960 годах. (Ниже, в эпилоге, будет сказано несколько слов и об их отношениях в 1970-х годах.)

Кирилл Трофимович высоко ценил Машерова, его незаурядные организаторские способности. Он неоднократно говорил об этом во время их совместной и комсомольской, и партийной работы: «Пётр Машеров из тех людей, которым можно всё доверить и абсолютно быть спокойным, – никто лучше не сделает, чем он... Мы должны беречь его, как самый ценный капитал. С такими людьми можно творить чудеса, рисковать, преодолевать любые трудности. Он никогда не подведёт», – утверждал Мазуров при выдвижении Машерова на ответственную комсомольскую и партийную работу [5, с. 171].

К сожалению, осталось очень мало фотографий, да и подлинно человеческих свидетельств отношений двух лидеров Беларуси, относящихся к середине 1960 годов. Например, на фотографии 1964 года мы видим уверенного в себе руководителя республики К.Т. Мазурова, окруженного военачальниками, и Петра Мироновича, скромно стоящего во втором ряду. А вот фотография 1966 года. На ней мы опять же видим счастливого и широко улыбающегося Кирилла Трофимовича и первого секретаря ЦК КПБ Петра Мироновича, по привычке скромно стоящего за Мазуровым и грустно улыбающегося. (Вероятно, ещё не привык к роли лидера, но уже осознал весь груз ответственности).

Пётр Миронович возглавил республику в 1965 году, сразу же после перехода К.Т. Мазурова на работу в Москву. Существует несколько версий того, как это произошло. В одной из них утверждается, что Машеров трезво оценивая свои возможности, считал, что на столь высокую должность следует рекомендовать людей более опытных, лучше знающих управление промышленностью, строительством, транспортом и в целом экономикой. Вероятно, Машеров хорошо понимал, что в отличие от Мазурова, имевшего техническое и высшее партийное образование, он обладал только дипломом Витебского пединститута и педагогическим образованием. Предлагались Политбюро ЦК КПСС и бюро ЦК КПБ и другие кандидатуры: В.Е. Лобанка, Т.Я. Киселева, И.Е. Полякова [5, с. 214]. Однако выбор пал на Машерова и, конечно же, немаловажную роль здесь сыграло авторитетное мнение К.Т. Мазурова и партийных руководителей областей. Последние единогласно поддержали Машерова. (Опыт работы с Киселевым они имели. С 1955 по 1959 гг., он был секретарем ЦК КПБ. Причем Машеров и в Бресте, и в ЦК менял в должности Киселева, идя как бы на шаг позади).

Кирилл Трофимович в доверительной беседе сказал Машерову: «Рассчитывай на мою помощь и поддержку» На заседании Политбюро ЦК КПСС Л.И. Брежнев, рассуждая о планах на будущее, задал вопрос: «товарищ Машеров, вы хорошо знаете роль и место Белоруссии в общем стратегическом плане развития страны?» – Да, Леонид Ильич, – ответил П.М. Машеров, – Всячески крепить мощь республики и всего Советского Союза». «Есть ли какие-либо сомнения в отношении товарища Машерова?», – спросил Брежнев.

Таковых не имелось. Вопрос был предreshен. Вскоре Пленум ЦК КПБ избрал Петра Мироновича Машерова своим лидером.

Эту версию, которую излагал известный историк партии, ветеран войны В.Д. Якутов подтверждают и другие авторы, внося при этом в неё некоторые дополнения [4, с. 53; 5, с. 214].

В том же 1965 году по инициативе и под руководством Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина началась экономическая реформа, которая с каждым годом всё больше торпедировалась Л.И. Брежневым (Первым, а с 1966 г. – генеральным секретарём ЦК КПСС) и его ближайшим окружением партийных функционеров [7, с. 241–244]. Это была первая (пионерная) и впоследствии оказавшаяся последней реальной попытка фундаментально изменить существовавшую социально-экономическую систему в СССР, которая по форме называлась социалистической (социализмом, развитым социализмом). На деле в ней, выражаясь языком политико-экономической и ноосферологической науки, преобладал азиатский способ общественного воспроизводства на корпоративной основе господства государственной собственности, феодально-крепостных и госкапиталистических производственных отношений. Об этом, кроме Алексея Николаевича Косыгина, Кирилла Трофимовича Мазурова и Петра Мироновича Машерова задумывались в СССР и БССР немногие руководители. А если и задумывались, то не говорили вслух, публично.

Косыгинская реформа (сегодня мы можем назвать эту реформу и Косыгинско-Мазуровской, так как значительный период времени К.Т. Мазуров был единственным первым заместителем А.Н. Косыгина), своей целью ставила демократизацию советского общества. Её целью также было освободить экономику, всю жизнедеятельность народов СССР от культа капитала, прибыли, тотального администрирования путем введения в хозяйственный экономический (стоимостной) оборот накопленного рукотворного национального и природного богатства. На базе сохранения общественной и государственной собственности разрабатывались с участием Мазурова механизмы, методы хозяйственного расчета, предусматривавшего экономические стимулы повышения интенсификации эффективности труда и лучшего использования национальных фондов [3, с. 311]

Известно, что в Москве о первом заместителе руководителя Всесоюзной реформы (1960-е годы) говорили: «Мазуров – осторожный белорус». Позже можно было услышать и такое: «Великий... ум, с той деревенской хитринкой (национальной чертой белоруса! – Авт.), которая позволяет не жить только сегодняшним днём, но и непременно думать о будущем» [2, с. 69,70, 71]. Тот стиль работы, который у Мазурова сложился в Беларуси, импонирует его коллегам и в Минске, и в Москве. «Нравился мне его стиль работы, – вспоминал один из земляков Мазурова. – Деловитость, умение «схватывать» ситуацию, ценить своё и чужое время... У Мазурова были масштабность, кругозор мышления, персональная ответственность за всё, чем он занимался, –

подчёркивал его коллега И.Е. Поляков, кандидатура которого в 1965 году также рассматривалась на пост Первого секретаря ЦК КПБ. (В 1977–1985 годах Поляков был официально главой белорусского государства и исполнял обязанности заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР).

Свидетельств того как Мазуров внимательно и бережно относился к людям, особенно к учёным, педагогам осталось не мало. Например, бывший секретарь парткома АН БССР А.Ф. Хацкевич вспоминал о нескольких фактах и примерах, подтверждающих это мнение. Более того, будущий известный учёный-историк, присутствовавший на нескольких совещаниях по вопросам развития науки, обратил внимание и на то, какие «логичные и глубоко продуманные вопросы ставил он (Мазуров) в ходе обсуждения итогов работы» научных форумов. Известно, что, К.Т. Мазуров, имея дружеские отношения со светилами советской науки, например, с Андреем Николаевичем Туполевым и Сергеем Павловичем Королёвым, стремился всячески помочь этим выдающимся учёным. Они нередко подвергались преследованиям и даже репрессиям. (Вероятно, эти удары судьбы и стали причиной столь раннего ухода из жизни академика С.П. Королёва). Для Кирилла Трофимовича названные учёные были примером человека с большой буквы, своего рода – ноосферными людьми. Постоянно взаимодействовал К.Т. Мазуров и с учёными-экономистами, историками, философами, кибернетиками. Кстати, немногим известно, что за несколько месяцев до перехода Мазурова в Москву, в Беларуси целый месяц работала комиссия по главе с Президентом АН СССР академиком М.В. Келдышем. Её выводы были весьма благоприятными для Кирилла Трофимовича и его коллег в ЦК и Совмине Беларуси [2, с. 49–50, 105].

Реформа, которую в середине 1960-х годов начал Косыгин и его ближайшие помощники, опиралась на науку. Она направляла интеллектуальные и профессиональные трудовые ресурсы в русло стоимостного природосберегающего хозяйствования на основе поиска резервов и путей внедрения достижений мирового научно-технического прогресса. Сегодня это называется инновационным и устойчивым развитием*.

Косыгин, Мазуров и Машеров, обладавшие большой волей и талантом, способностями разумного политико-экономического мышления понимали и осознавали необходимость преобразований в стране. Однако в 1970-е годы обстановка в республике и в целом в СССР начала постепенно изменяться к

---

* Позже впервые в мировой экономической науке в 1991 г. П.Г.Никитенко при доработке марксовской экономико-математической схемы капиталистического общественного воспроизводства, Капитала и Прибыли включил в неё воспроизводство фондов, Природы и Человека. В наиболее полном и завершённом виде новая экономическая теория и методология изложена в монографии П.Г.Никитенко «Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития» (Мн.: Бел.наука, 2006. 479 с.) Работа выполнена по заказу-поручению Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко.

худшему. По мере всё большего старения генсека ЦК КПСС (правильнее сказать, - дряхления) в Политбюро и Совмине СССР всё усиливалась борьба за власть. «Роковую роль в этом, как считают некоторые близкие к кремлёвской кухне исследователи, сыграл Н.А. Тихонов» (заместитель Председателя Правительства), который умело направлял подозрительность Брежнева. Мало того, в оппозицию Косыгину его заместитель Тихонов стремился вовлечь не только самого Брежнева, но и других заместителей Председателя Правительства, включая Мазурова [7, с. 240]. В этой обстановке, уже больной Брежнев, приняв решение об отставке Мазурова, ищет наследников «трона» как среди любимчиков (Черненко, Тихонов, Щербинский), так и среди людей, которым он явно завидовал (среди них оказался и Машеров) [4, с. 11; 7, с. 240; 8, с. 11].

Кирилл Трофимович и Пётр Миронович залогом успеха в осуществлении реформ правомерно считали научную, образовательную и культурологическую составляющие кадровой политики. Для них в научном и образовательном процессах все были в равном положении: секретарь ЦК и руководитель правительства, директор, академик, ученик и студент, рабочий и сельский труженик, деятель культуры и искусства, спортсмен, врач, учитель и т.д. [3, с. 312].

Под влиянием масштабно развернувшейся деятельности Мазурова и Машерова по экономической реформе начиналось формирование личностей инициаторов данного проекта и авторов вводных статей. В частности, П.Г. Никитенко после окончания школы и трёхгодичной срочной армейской службы при конкурсе в 13 абитуриентов на одно место смог поступить и стать студентом Белорусского государственного института народного хозяйства им. В.В. Куйбышева (ныне БГЭУ). Окончив институт с отличием, получил рекомендации для поступления в аспирантуру на кафедру «экономика промышленности». Учёбу совмещал с работой секретарём институтского комитета комсомола на правах райкома. Был бойцом и командиром студенческих строительных отрядов, удостоен медали «За освоение целинных земель», награды ЦК ЛКСМБ и ЦК ВЛКСМ [3, с. 312, 313].

Под контролем Петра Мироновича Машерова, бывшего, как уже отмечалось, до 1965 года секретарём ЦК КПБ, находились все руководящие кадры республики, а со второй половины шестидесятых годов и многое другое. Вместе с коллегами из Бюро и Секретариата Центрального комитета партии Машеров уделял пристальное внимание учебным программам, новым формам и методам занятий, в частности по экономико-правовому образованию для всего трудоспособного населения. И главное, на базе БГИНХа им. В.В. Куйбышева были созданы специальные курсы по экономическому всеобучу высшего руководящего состава республики. Позже они эволюционно трансформировались в Академию управления при Президенте Беларуси [3, с. 312, 313].

И Мазуров, и Машеров, являясь членами военного совета БВО, выступали также инициаторами всеохватывающего военно-патриотического и трудового воспитания людей, особенно подрастающего поколения. К изучению

и увековечиванию исторических подвигов белорусского народа в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн привлекались ветераны войны и труда, рабочая и студенческая молодёжь.

Не забывает подвиг воинов и партизан и современная молодёжь, о чём свидетельствуют конференции и круглые столы, проведённые в ходе празднования 75-летия освобождения Беларуси и 75-летия Великой Победы. Памятными для современной молодёжи, в том числе и студентов Белорусского государственного университета, были также мероприятия, посвящённые 100-летию со дня рождения Кирилла Трофимовича Мазурова и Петра Мироновича Машерова (2014–2018 гг.), которые с большой душевной теплотой и вниманием относились к ветеранам войны – бывшим партизанам и подпольщикам, а также к молодёжи [9, с. 18–20].

Авторы статьи, работавшие и служившие в 1970–1980 годах во многих советских республиках, включая Россию и Украину, могут засвидетельствовать, что нравственная ситуация в Беларуси была на порядок выше. Отмеченное относится и к такой сложной сфере как межнациональные отношения. Например, Мазуров, который не изучал белорусский язык в школе, считал своим долгом его изучить позже. Кирилл Трофимович писал статьи не только на русском, но и на белорусском языках. Для белорусского учителя Петра Мироновича Машерова белорусский язык был родным, но он не мог не учитывать официальный государственный курс на создание в СССР единой общности – советского народа, у которого был язык межнационального общения – русский язык. [2, с. 35; 3, с. 314].

Кирилл Трофимович Мазуров и Пётр Миронович Машеров особое приоритетное внимание уделяли формированию национальной научной и творческой интеллигенции, развитию национальной культуры. В этом деле они находили время для встреч, бесед с писателями, композиторами, художниками, режиссерами. Встречались и с актёрами кино, театра, радио, телевидения. Многие были сделаны по улучшению быта, труда, современной моральной и материальной оценке творческой деятельности. Благодаря Первым секретарям ЦК КПБ активно развивались белорусский язык и литература. Конечно же, были и существенные проблемы. Часть этих проблем сложились объективно, особенно в восточных областях БССР, которые до так называемого укрупнения республики входили в состав РСФСР. И если в БССР до войны официально было несколько государственных языков то, например, на гомельщине белорусский язык долго не изучался. (Тем не менее, у жителей области, в том числе таких известных в будущем политических деятелей как К.Т. Мазуров, А.А. Громько, ещё долго сохранялся белорусский акцент, над чем подшучивали нередко их московские коллеги). Но уже в ноябре 1943 года, когда после продолжительной разлуки К.Т. Мазуров прибыл в Гомель, одной из его важнейших задач был выпуск газет на белорусском языке. Такая же задача стояла перед ним и в Минске, хотя, как отмечал Кирилл Трофимович, дел у комсомольских работников в 1943–1945 годах «было очень много».

Тем больший интерес представляет тот факт, что секретарь ЦК ЛКСМБ в сожжённом Минске искал книги для расширения своих познаний в белорусском языке и литературе. В частности, очень дорожил Мазуров «Словарём белорусского наречия», приобретённом на Комаровке в 1945 году [1, с. 342; 2, с. 54; 3, с. 314]. И Мазуров много достиг в познании белорусского языка и литературы, о чем, в частности, свидетельствует и его переписка с Петрусём Бровкой.

В последующем, возглавляя ЦК КПБ, Кирилл Трофимович многое сделал для увеличения выпуска газет, журналов, а также книг и брошюр на белорусском языке. В 1965 г. их тираж превышал 7 млн. экземпляров.

О том, что деятельность Машерова в качестве Первого секретаря ЦК КПБ разворачивалась не на пустом месте, а имела солидную базу, созданную предшественниками, свидетельствует, в частности, таблица 1.

Таблица 1

Выпуск книг и брошюр, журналов и газет на белорусском языке (1965–1980 гг.)

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
Число книг и брошюр на белорусском языке (печатных единиц)	295	428	475	370
Тираж, млн. экз.	7,2	9,4	11,0	8,2
Печатных листов-оттисков, млн.	88,7	97,8	116,6	89,1
Число журналов и других периодических изданий	21	27	30	31
Печатных листов-оттисков, млн.	114	132	129	128

Как видим, в последние годы руководства республикой (1965 и 1980 годы соответственно) и Мазуров, и Машеров имели в БССР почти одинаковый (7,2 и 8,2 млн. экз.) выпуск книг и брошюр на белорусском языке. Одинаковыми были успехи и в печатных листах-оттисках на белорусском языке (около 89 млн. в 1965 и 1980 годах). Конечно же, за пятнадцать лет значительно возрос не только культурный уровень народа, но и его духовные потребности, что отразилось на увеличении числа журналов и других периодических изданий на белорусском языке [3, с. 314].

Вместе с народом духовно богаче стремились быть и наши лидеры – и Машеров, и Мазуров. На эту тему о Петре Мироновиче много написано, в том числе в последних юбилейных изданиях. К сожалению, меньше в этом аспекте мы знаем о Кирилле Трофимовиче. Поэтому в заключение несколько слов о Мазурове – философе и поэте. Этим вопросом, как уже отмечалось, Кирилл Трофимович уделил внимание и в мемуарах. Ещё в юношестве он очень любил творчество Сергея Есенина и Владимира Маяковского, а несколько позже – Янки Купалы, Якуба Коласа и Михася Чароты. В Гомельском техникуме, который готовил специалистов технического профиля, тем не менее,

были частые дискуссии о «литературной и гражданской деятельности Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского». (Последнего, например, комсорг техникума на собрании объявил «контрреволюционным» писателем. Кирилл Трофимович позже вспоминал, что четыре года учёбы в техникуме, «были самыми насыщенными по части...приобщения к литературе и общей культуре народа». Вероятно, – и к философии, которая изучалась в курсе обществоведения. Правда, молодой поэт Мазуров, который позже не раз говорил о своём интересе к диалектике и литературе (а в узком кругу, – и к поэзии), в мемуарах больше рассказывает о поэтическом творчестве коллег – студентов. Но сохранились свидетельства близких людей о том, что природа наделила Кирилла Мазурова философским и поэтическим даром. «К рифмованным строкам, как считал журналист А. Симуров, знавший Мазурова, прибегал, видимо, чтобы образнее и глубже выразить свои философские взгляды, своё видение жизни, свои чувства...» «Главное – в его душе, в его мыслях они жили и трепетно бились на высокой и чистой поэтической ноте до последнего часа. В их открытости и непорочности видится настоящий Человек» [2, с. 66, 78]. Дополним, – Человек-философ, которым может гордиться наша республика.

В этой связи, подводя некоторые итоги, хотелось бы ещё раз вспомнить актуальные, на наш взгляд, идеи не только коммунистов, изучавших диалектику по Ленину и Плеханову [10, с. 91–97], но и наших земляков философов-персоналистов. Вероятно, они, современники К.Т. Мазурова и П.М. Машерова, были во многом правы, утверждая, что наши действия и наши мысли никогда не были вполне свободными и вполне автономными. Более того, чтобы постичь логику мыслей и действий наших великих предшественников, недостаточно знать, что они делали, писали и говорили, нужно знать, что «они пережили и как они жили». И далее: «Порывы, чувства и движения воли... нужны не для простого психологического истолкования их личности (так сказать, для полноты биографии), а для углубления в «логический» состав идей», для лучшего понимания не только их идей и действий, но и Логоса прошедшей эпохи. При таком подходе, на наш взгляд, не только Косыгина, но и Мазурова, Машерова мы с полным основанием можем назвать пионерами социально-экономической мысли и соответствующих действий. Об этом убедительно свидетельствует и книга К.Т. Мазурова «Незабываемое», особенно главы «Восстановление» и «Память» в её последнем издании [11, с. 394–414].

По воспоминаниям дочери Натальи Кирилловны, Мазуров очень интересовался космосом. Полагаем, что идеи Кирилла Трофимовича о Вселенской ответственности человека и человечества достаточно близки концепции белорусско-российского философа Н.О. Лосского (1870–1965), изложенной в работе «Мир как органическое целое»: «Все частные системы мира подчинены одному верховному мировому целому...» Николай Онуфриевич Лосский также был убеждён в том, что разрывы, распады, нарушения целостности мира...приводят (человечество, человека и конкретные социумы к различным видам производного зла), которого так много было и осталось в нашей жизни [12, с. 64]. Поэтому

нам необходимо более внимательное отношение к опыту наших предшественников, переживших многие катастрофы, разломы и распады социумов. В свете отмеченного выше по-прежнему актуальными остаются вопросы увековечивания наших выдающихся земляков, а также людей, отдавших жизнь за освобождение Беларуси [11, с. 397–414; 12, с. 62; 13, с. 8, 47, 48].

Уверены, что путь к лучшему будущему белорусского социума, – это путь к постижению уникального наследия К.Т. Мазурова и П.М. Машерова, их идей, творческого, делового стиля, новаторских форм и методов работы, пользовавшихся всенародной поддержкой и способствовавших достижению весомых социально-экономических успехов республики и страны.

Беларусь, как современное суверенное государство, располагает сегодня накопленным космосо-природным и человеческим рукотворным экономическим потенциалом в объёме не менее 10 триллионов долларов США. Введение только одной десятой его стоимостной части в хозяйственный экономический оборот позволит обеспечить высокий уровень жизни населения в опоре на собственные силы и без долгов перед настоящими и грядущими поколениями [3, с. 329].

Разумом и Духом наших выдающихся земляков – политиков, экономистов и философов все больше наполняется содержание белорусской модели социально-экономического развития, формируемой государственной деятельностью Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. К ее социально-экономическому обеспечению по инициативе и поручению Александра Григорьевича привлечена наша наука (см. веб-сайт www.cresearchgroup.org). А это свидетельство того, что, как при Мазурове и Машерове, наука сегодня остается в полном смысле слова в рабочем строю [14, с. 2].

Новая концепция развития общества – экономико-математической макро-модели общественного воспроизводства ноосферной ориентации, отражающей единство природной (экологической), материальной и нематериальной (социальной) сфер общественного воспроизводства, активно разрабатывается в НАН Беларуси и в других научных учреждениях страны [3, с. 311–312; 14, с. 2]. С такой же настойчивостью как Кирилл Трофимович Мазуров и его коллеги «боролись за победу над темными силами фашизма», за мир на Земле мы должны действовать, защищая свободу, независимость своего Отечества и обеспечивая его социально-экономическое развитие.

Литература

1. Мазуров, К.Т. Незабываемое / К.Т. Мазуров. – Минск: Беларусь, 1984. – 351 с.
2. Верой и правдой / Сост. А.Н. Аксенов, А.Ф. Хацкевич. – Минск: Беларусь, 1995. – 118 с.
3. Никитенко, П.Г. «Апостол разума и духа наши» / П.Г. Никитенко // Сын белорусского народа Пётр Машеров. К 95-летию со дня рождения. Воспоминания и статьи. – М.: Издательство НО «Ассоциация «Лига содействия оборонным предприятиям», 2013. – 464 с.
4. Величко, В.П. Не догонять прошлое, а создавать будущее / В.П. Величко // Пётр Машеров: Беларусь – его песня и слава. – Минск: «Мастацкая літаратура», 2018. – С. 53–67 (151 с.).

5. Якутов, В.Д. Пётр Машеров: Худож.-документ. повесть / В.Д. Якутов. – Мн.: МП «Русь Белая», 1992. – 272 с.
6. Беларусь: Народ. Государство. Время / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; ред. кол.: А.А.Коваленя (и др.). – Минск: Беларус. навука, 2009. – 879 с.
7. Леонид Брежнев в воспоминаниях, размышлениях, суждениях / Сост. В. Шелудько. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 384 с.
8. Шамякін, І.П. Зоркі і цэрні / І. П. Шамякін // Рэспубліка. – 1996. – 29 сак.
9. Кандыбовіч, С.Л., Лобач, М.Р. Партызанскія грамадскія аб'яднанні ў СССР, Расіі і Беларусі / С.Л. Кандыбовіч, М.Р. Лобач // Энцыклапедыя гісторыі Узброеных сіл Рэспублікі Беларусь. У 2 т. – Т. 2. / Складальнікі: В.Ц.Осіпаў, Р.Ч.Лянькевіч. – Мінск: Права і эканоміка, 2019. – С. 18–21.
10. Лянькевіч, Г.Ч., Елісеев, А.Б. Николай Лосский и Георгий Плеханов // Георгий Валентинович Плеханов... Сост.: Г.Ч.Лянькевіч, О.Л.Сташкевіч – Мінск, 2019 – с.91-97.
11. Мазуров, К.Т. Память / К.Т. Мазуров // Незабываемое. – Минск: Беларусь, 1987. – С. 397–414.
12. Зеленков, А.И., Лянькевіч, Г.Ч. Проблема хаоса и стабильности в эволюции социума... / А.И. Зеленков, Г.Ч. Лянькевіч // Николай Лосский: философ, учёный, педагог... / Сост. Г.Ч.Лянькевіч. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 62–67 [186 с.].
13. Это стране моей знак уважения... / Сост. Г.К. Кулябо. – Минск, 2005. – 48 с.
14. Никитенко, П.Г. Европейская награда – академику НАН Беларуси / П.Г. Никитенко // Веды. – 2013. – 18 марта.

*А.И. Зеленков,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
доктор философских наук, профессор*

*Н.Г. Лобач,
кандидат экономических наук*

*Г.Ч. Лянькевіч,
кандидат философских наук*

ЧАСТЬ 1.

МАЗУРОВ К.Т. ИЗБРАННОЕ

1.1. Истоки*

Жизнь моих сверстников проходила под знаком всемирно-исторических событий и коренных социальных преобразований в нашей стране... Это прослеживается и в моей биографии, как и в биографиях многих моих товарищей.

Родился я в апреле 1914 года в деревне Рудня, что в 10 километрах юго-восточнее Гомеля. Чисто крестьянских дворов в ней было мало. Главы большинства семей считались так называемыми рабочими-крестьянами. Почти в каждом хозяйстве имелся небольшой участок – два-три гектара. Но земли отличались малым плодородием, поэтому мужчины или постоянно работали в Гомеле, или были сезонными рабочими, уезжали в Донбасс добывать уголь, убирать хлеба на Кубани, строить дома.

Дед рассказывал, что наша деревня не случайно называется Рудня. В далекие времена здесь, на берегу реки, стояла рудница – мастерская по выплавке металла и производству железных изделий. Он утверждал, что наши предки пришли сюда с Урала и поселились в лесах еще при Петре Первом. Было ли то правдой – трудно сказать, хотя многие земляки отличаются от окрестных жителей своими русскими фамилиями: Пыталевы, Кирьяновы, Хархасовы, Барановы, Кауровы.

Семья, в которой прошло мое детство, была большой. В пятистенке проживали вместе 16 душ – дед Иван Лавренович, бабка Василиса, их сыновья Трофим, Родион, Сергей со своими женами и детьми, Антон, Никита, дочь Марина. У моего отца с матерью нас было шестеро: четверо мальчиков и две девочки. Я – младший. Дед и все его сыновья, кроме Никиты, работали в Гомеле в железнодорожных мастерских. В начале первой мировой войны Родиона и Сергея мобилизовали в солдаты.

Дед был грамотный и любил книги. Читал главным образом религиозно-философские сочинения Л. Н. Толстого, считал себя его последователем и даже внешне старался походить на великого писателя. Одевался в длинную белую рубаху, подпоясанную шнурком, черные шаровары и сапоги.

Я любил деда, и он уделял мне внимание, рассказывал разные поучительные истории. Однако на воспитании моем и моих братьев и сестер решающим образом сказало влияние отца.

Он, на мой взгляд, был незаурядной личностью, одним из тех, способности которых в силу социальных условий не могли полностью проявиться и пойти на пользу обществу. По-моему, он обладал талантом воспитателя. Помнится отец добрым, но строгим и к себе, и к людям. Не верил в бога, не пил спиртного, не выносил сквернословия и пошлости. Даже своей внешностью сразу располагал к

---

* Печатается с сокращениями по книге К.Т. Мазурова «Незабываемое». – Минск, 1987.

себе – среднего роста, широкоплечий, сильный, открытый взгляд, лицо энергичное, русая с проседью широкая борода, одет всегда аккуратно в косоворотку с витым пояском под черным пиджаком, темные брюки, заправленные в сапоги. Так одевались тогда мастера. Люди к нему тянулись, приходили за советом, делились своими бедами. В семье у нас не было ссор. Отец никого из детей не наказывал, даже не ругал. Взглянет, бывало, на провинившегося укоризненно – достаточно, каждый из нас готов был после этого хоть сквозь землю провалиться. Так он влиял на всех, и все боялись навлечь на себя неудовольствие этого человека.

Окончив только церковноприходскую школу, отец постоянно занимался самообразованием, регулярно читал газеты и иллюстрированные журналы (выписывал журнал «Нива»). После революции заинтересовался работами В. И. Ленина. Ему помогал разбираться в политике дядя Родион, который окончил двухклассное городское училище и возвратился с войны большевиком.

Отец слыл мастером на все руки. В мастерских работал столяром. Умел ставить срубы, накрывать крышу, класть русские печи, чинить ведра и сельскохозяйственный инвентарь. Дома всегда что-то делал, выполняя заказы односельчан.

Моя мать Агафья Акимовна – доброй души женщина. После изнурительной работы в поле постоянно хлопотала по хозяйству и вечно заботилась о нас, детях, да еще о нищих и обездоленных, которых в ту пору много бродило по деревням.

Дядя Родион после революции вернулся на Гомельский паровозоремонтный завод и вскоре с семьей переселился в город. Дядя Сергей пропал на империалистической войне без вести. Его семья уехала к своим родным. Дядя Антон вернулся с фронта без ноги. После он мастерил по заказам односельчан различную утварь, да вскоре заболел чахоткой и умер.

В 1918 году во время оккупации наших мест войсками кайзеровской Германии начали создаваться партизанские отряды. В районе Сновска сформировался отряд Н. А. Щорса, выросший потом в дивизию. В него вступил дядя Никита, а мой брат Тимофей – в продотряд.

Мне едва исполнилось четыре года, когда весной 1918 года в Рудню пришли немцы. Детские впечатления, как известно, нередко сохраняются на всю жизнь. Вот и в моей памяти остались усатые, красные, толстые физиономии в касках с шишаками. У нас оккупанты забрали свинью и тут же во дворе ее освежевали. Мать плакала. Она запихивала детишек в погреб, а мы не хотели залезать туда и все глазели на невиданных пришельцев. Вскоре они убралась. Теперь через деревню часто проходили части Красной Армии.

Гомель и окружающие его районы в первые годы Советской власти были прифронтовыми. После немецких оккупантов этим городом и важным железнодорожным узлом пытались овладеть петлюровцы, белогвардейцы-деникинцы, войска буржуазно-помещичьей Польши, но врагам этого сделать не удалось. Однажды, летом 1919 года, в Рудню прибыл кавалерийский полк Красной Армии. В нашем дворе разместился штаб. Запомнился ординарец командира – ладный, весь в ремнях. Однажды он посадил меня в седло на огромного коня, и я со страхом, но и с гордостью проехал по улице до колодца на виду у всех ребятшек.

Когда окончилась гражданская война, я уже кое-что понимал в жизни. Видел, как трудно нам жилось.

В стране, истекавшей кровью, мобилизовавшей все силы на разгром интервентов и внутренней контрреволюции, была разруха и голод. Особенно трудно приходилось рабочим семьям. Не минули лишения и нашу семью. Хлеб мать пекла пополам с мякиной. Жмыхи, которые доставали на маслозаводе и которые называли макухой, считались деликатесом. Мать из них и муки приготавливала похлебку – «кулагу», после употребления которой все мы страдали животами. Не было соли и керосина. Дом освещала обычно коптилка со шнурком, пропитанным жиром.

В железнодорожных мастерских, где трудились дед и отец, работы сократились, и дед, к неудовольствию моего отца, решил, что он как старший в семье должен теперь заняться сельским хозяйством. За счет конфискованных у помещика земель наша семья получила 6 десятин. Дядя Никита, вернувшись с фронта, стал помогать моему отцу. Старший же мой брат Тимофей некоторое время работал в мастерских мер и весов. Однажды он увез меня в город. Первые впечатления о поездке поездом, о вокзале, о самих мастерских, которые размещались в каком-то темном сарае, и о ночлеге там рядом с братом, прямо на полу, остались в моем детском воображении как необыкновенные приключения. После долгих и безрезультатных поисков постоянной работы Тимофей уехал искать счастья в Сибирь. Добрался до Барнаула, где проживали братья деда, обзавелся семьей да так и застрял там. В годы Великой Отечественной войны в составе одной из сибирских дивизий он участвовал в прорыве блокады Ленинграда и погиб.

Несмотря на лишения, которые мне пришлось пережить в детстве, недолгое пребывание в деревне осталось в памяти как лучший период жизни.

Наша деревня раскинулась на высоком берегу небольшой речки Уть. Многоводная, с кристально чистой родниковой водой, она, петляя, обгибала деревню с севера. За речкой – сочные луга, а с юга – сосновый бор и дубравы, где сельчане собирали грибы и ягоды.

На мое воспитание благотворно влияла природа. Незабываемы прогулки в величественные дубравы, на душистые пойменные луга. Навсегда запомнились прозрачные, розово-голубые рассветы, наполненные пением птиц, и тихие вечера с их золотыми закатами. Особенно любил слушать на рассвете кукушку и удода.

Довольно рано я приобщился к учению. Старшие братья и сестры, придя из школы, обычно вслух заучивали стихотворения. И я старался их запоминать. Пятилетним уже читал наизусть некоторые стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других поэтов. В доме устраивались своеобразные представления, на которых наша семья и соседи слушали мою декламацию и потешались над произношением. С тех пор я на всю жизнь полюбил чтение.

Часто меня, еще малыша, брали в ночное – пасти коней. В ночное ходили целыми ватагами взрослые парни, а иногда и пожилые. Чувствовал себя как на празднике. Обычно после трудового летнего дня крестьяне, которые имели лошадей, поручали своим сыновьям, а то и подражали соседских парней уводить

коней на дальние пастбища и лесные поляны, с тем чтобы они к утренним работам были сытыми. Как правило, сколачивались группы по десятку лошадей и по 5–6 человек при них. Эти группы соседствовали на пастбище. Поскольку каждая стремилась захватить лучший участок выпаса, за это разгоралось своеобразное соревнование. Поэтому мы неслись на конях вскачь. Лошади, видимо, чувствуя, что их ведут на пастбище, резво скакали, подбиваемые в бока голыми пятками ребят. Я любил эти скачки и никогда не отставал. Правда, случалось, что и падал с коня, ведь скакали без седел.

В ночном ребята развлекались, разыгрывали друг друга и даже озорничали. Доставалось всем. В ходу, например, была такая шутка. Спящему на спине «приковывали» ноги, руки, а иногда и голову воткнутыми в землю рогульками. Потом кто-нибудь орал, поднимая тревогу. Все смеялись над тем, как в испуге проснувшийся оказывался беспомощным, не мог встать. Порою бодрствующие разрисовывали лица крепко спящих сажей. Утром мы хохотали, глядя на такого «пострадавшего», а он, не понимая причины смеха товарищей, в таком виде въезжал в деревню. Там уже смеялись все встречные.

Но главная прелесть поездок в ночное не в этом, а в беседах у костра, в рассказах старших о самых невероятных случаях. Те были и небыли вызвали огромный интерес. И небылицы, и правдивые рассказы я слушал, что называется, раскрыв рот, впитывал их в себя как губка. Ведь старшие не только бахвалились, а говорили о жизни, говорили серьезно, и это западало в душу.

Нашим соседом в деревне был интереснейший человек – Алексей Потапов. Ему в то время уже перевалило за сорок. Всю свою сознательную жизнь он бродил по стране, работал у помещиков и плотником, и конюхом, и кучером, и даже швейцаром. Обычно ранней весной уходил, как он говорил, «в свет» и возвращался в свой бедный домик лишь поздней осенью, так ничего и не заработав. Почти каждый зимний вечер Алексей навещал нас, рассказывал обо всем, что видел и испытал, о встречавшихся ему добрых людях, о богатеях, на которых гнул спину. Он был малограмотным, но, несомненно, обладал талантом рассказчика. Не только я, но и мои родные, взрослые люди, затаив дыхание, слушали его воспоминания. В них было столько же правды, сколько и вымысла. Сам Алексей не скрывал этого. Но до чего были интересными его рассказы! Передо мной же они, казалось, распахнули дверь в жизнь за пределами нашей деревни.

Рудня стояла на старинном, так называемом екатерининском шляху, связывавшем Петербург с Одессой. Он представлял собой обычную грунтовую дорогу, но широкую, на всем протяжении усаженную с обеих сторон березами. Ездила ли царица Екатерина по этому шляху, никто в деревне не знал, но зато (особенно после гражданской войны) часто тянулись по нему обозы украинских «Чумаков», возивших в Гомель и другие северные города, в том числе и в Питер, соль и богатые дары своей земли. Украинцы часто останавливались на ночлег в домах односельчан, расплачиваясь за услуги продуктами. Эти заработки являлись большим подспорьем для деревенской бедноты. Моих земляков кормила не столько

земля, сколько различные заработки на стороне. Тем, у кого было много ребятшек, приходилось особенно туго.

Проезжавшие украинцы привозили с собой не только дары своей богатой земли, но и песни, интересные рассказы, а иногда и литературу. Не случайно в Рудне звучали украинские песни.

Мои односельчане говорили по-русски с белорусским акцентом. Литературного белорусского языка они не знали. Гомель с примыкавшими к нему уездами по декабрь 1926 года не входил в состав БССР. Город был губернским центром Российской Федерации...

Обучаясь в городской школе, я приезжал на летние каникулы домой и помогал отцу и старшим братьям в крестьянской работе – пас скот, пахал, косил траву, убирал хлеб. Наше хозяйство считалось середняцким. Мы имели корову и лошадь, а также шесть десятин земли, но они не обеспечивали пропитание всего семейства. Поэтому отец и братья обрабатывали исполу надел у кулачки Тюрихи. Она хозяйствовала одна, дети ее жили в городе и только изредка проводывали свою мать. Эта семья да еще семья мельника Алексеенко в моем представлении и были буржуями, против которых выступала Советская власть. В ту пору я не предполагал, что социалистическому преобразованию деревни будут противиться не только Тюриха и мельник, но и некоторые середняки вроде Агеева, Бычка, Лузана.

Уже в раннем возрасте независимо от своей воли я стал постигать смысл жизни в обществе классового неравенства, проходить на практике «университеты» классовой борьбы...

Создание колхоза в Рудне в 1930 году проходило спокойно. На первом же собрании, на котором выступили дядя Никита, и мой отец, большинство крестьян сразу же записалось в артель. Правда, по поводу обобществления имущества во многих семьях разыгрывались драмы. В нашей семье драм не было. Мать – не без того – поплакала, жалея корову, но вскоре утешилась. Через некоторое время колхозникам разрешили иметь коров в личном хозяйстве. Они увели их вновь на свои подворья.

В колхоз не вступили несколько осторожных середняков. Раскулачили только мельника. Семьи зажиточных – Тюрихи и Агеевых – сами передали свое имущество в колхоз.

Помню, отец одобрял создание колхозов, но выступал против обобществления коров и мелкого скота. Он ворчал:

– К чему такая спешка? Так можно и дров наломать.

Впоследствии стало известно, что в проведении коллективизации были допущены и администрирование, и перегибы в раскулачивании. Дров наломали немало.

Далеко не все крестьяне сразу приняли кооперативный план партии. Процесс признания или колхозного пути, как единственно правильного для развития сельского хозяйства страны и роста благосостояния самих крестьян, протекал в сложной обстановке и занял немало времени...

Я продолжал учиться в городе. Дядя Родион забрал меня в свою семью и

определил в железнодорожную школу сразу во второй класс. Учение давалось мне легко. До прихода в школу уже хорошо читал и писал, легко запоминал «на слух» стихи, когда их разучивали старшие братья и сестры. Взрослые, в том числе и соседи, с интересом слушали, как я читаю. Так что к школе был подготовлен...

Школа явилась неоценимым «университетом» и знаний, и жизни, и дружбы. В пятнадцать лет, в 1929 году, я вступил в члены ВЛКСМ. Комсомольская ячейка стала для меня начальной ступенью гражданственности. Вскоре освоился с общественной работой, стал вожатым форпоста пионеров.

Но настоящий «университет» я прошел в семье дяди Родиона. Это был скромный и добрый человек, настоящий рабочий-интеллигент. Слесарь высшей квалификации, он считался на Гомельском паровозоремонтном заводе лучшим специалистом по тормозам Вестингауза. Его знали не только на предприятии. Горком партии нередко привлекал дядю для выполнения различных поручений. В моих глазах это был образец коммуниста-рабочего.

К моменту, когда я окончил восемь классов, в Гомеле открыли автомобильно-дорожный техникум с двумя отделениями: дорожно-строительным для подготовки техников – строителей дорог и мостов и автомеханическим, которому предстояло выпускать механиков по эксплуатации автомобилей. В городе имелись педагогический и лесотехнический институты, по эти специальности меня не интересовали. Я поступил в техникум на дорожное отделение.

Стране, ставшей на путь индустриализации, требовались молодые специалисты, и их обучали главным образом в техникумах (технических вузов было мало), программа которых включала и определенную инженерную подготовку. Выпускники техникумов занимали, как правило, инженерные должности. Наш курс более чем наполовину состоял из моих товарищей, с которыми занимался в железнодорожной школе. Мы крепко дружили, вместе учились, вместе отдыхали. К сожалению, спорт тогда развивался слабо. Зато энергично велась культурно-массовая работа. В техникуме был довольно сильный коллектив «синей блузы». Мы сами составляли репертуар, используя произведения советских писателей, прежде всего В. В. Маяковского. Выступали на предприятиях перед рабочими с инсценировками, бичующими империалистов, нэпманов, спекулянтов, мешан, лодырей, прогульщиков...

Во время учебы в техникуме в 1929–1932 годах мое мировоззрение, конечно в самом элементарном смысле этого слова, уже в основном сложилось. Оно складывалось постепенно под влиянием дяди Родиона, преподавателей, комсомольской ячейки. Но, наверное, самым главным учителем была окружающая действительность, сама жизнь – кипучая, бурная, наполненная яркими событиями. Это было время индустриализации и коллективизации, революционной ломки быта и сознания людей. В школе социальных различий между ребятами мы не замечали. Мои друзья, в основном дети железнодорожников, рабочих и служащих, составляли группу почти однородную. Но в техникуме вместе с нами занимались представители и других слоев населения, выходцы из городской интелли-

генции. Они держались особняком, вели себя скромно, учились хорошо, но в общественной работе участвовали неохотно.

Нынешним молодым людям, может быть, трудно представить, с каким интересом мы, дети рабочих и крестьян, окунулись в необычную для нас интеллигентную среду и с каким рвением овладевали учебными дисциплинами, приобщались к культуре. Таким, как мы, до революции бесполезно было даже мечтать стать руководителями производства – инженерами и техниками. Советская власть предоставила нам все возможности для постижения науки и культуры...

На литературных диспутах, как ни в каких других культурных мероприятиях, происходило довольно четкое размежевание во мнениях. Некоторые студенты – выходцы из семей бывших чиновников и мелкой буржуазии – подчеркнуто демонстрировали свои знания истории, владение языком. Они, например, иронически отзывались о творчестве Маяковского, а Есенина называли кабацким поэтом. На этих диспутах дело порой доходило чуть ли не до драки. Мы защищали Маяковского и других пролетарских писателей. Правда, в отношении Есенина ясности не было. Я, как и многие, очень любил и Маяковского, и Есенина, но официальное комсомольское общественное мнение не жаловало последнего. За воздание похвалы Сергею Есенину комсомолец рисковал получить головомыку на собрании.

Годы, проведенные в техникуме, пожалуй, были самыми насыщенными по части моего приобщения к литературе и общей культуре народа.

К тому времени Гомель уже входил в состав Белорусской Советской Социалистической Республики. У меня, как и у многих ребят, возник интерес к истории и национальной культуре народа, к белорусскому языку и литературе. Библиотеки пополнились изданиями на белорусском языке, в том числе стихами и поэмами классиков Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа. Их произведения имелись и в переводе на русский. Я заинтересовался этими выдающимися поэтами, когда познакомился с их творчеством. До сих пор помню, как поразили меня строки из стихотворения Максима Богдановича «Край мой родимый! Как проклятый богом...»...

Очень понравилось своим лиризмом и стихотворение Максима Богдановича «Слуцкие ткачихи». Большое впечатление произвели на меня эпические поэмы Янки Купалы «Курган» и «Могила льва», воспевавшие героя-бунтаря, и Якуба Коласа «Новая земля», в которой поэт показал людей предреволюционной Белоруссии.

Популярные белорусские писатели того времени Михась Чарот, Андрей Александрович, Павлюк Трус, Петрусь Бровка, Кондрат Крапива, Платон Головач, Михась Лыньков в 20-х годах почти не публиковались на русском языке, а на белорусском вначале мне читать было трудновато. Но тогда поэты часто выступали перед трудящимися, студентами. Однажды представителей техникума пригласили в клуб железнодорожников на встречу с Михасем Чаротом. Это было, кажется, весной 1931 года. Тогда впервые непосредственно встретился с белорусской поэзией. На сцену вышел стройный, худощавый, одетый в рубашку

с расшитым воротником и таким же расшитым пояском на ней, лет 35 от роду человек, над высоким лбом которого кудрявились темные волосы, и начал читать свою поэму «Марина». Зал тепло реагировал. Когда он закончил, после аплодисментов кто-то выкрикнул:

– Почитайте «Босья на вогнішчы» !

Значит, понравилось, если просят еще. Михась Чарот стал читать эту свою поэму, посвященную Октябрьской революции. Произведение оказало на меня сильное воздействие. И стихотворный размер поэмы, и интонация чтения напоминали Владимира Маяковского.

Так мы, молодые люди 30-х годов, впитывали культуру русского, украинского, белорусского и других народов, вставших на путь переустройства жизни на социалистический лад...

Защитив диплом в апреле 1933 года, я получил назначение на должность техника Паричского районного дорожного отдела. Меня это больше чем разочаровало. Мечтал о работе на какой-то крупной стройке, а попал в сельский район. Я был раздосадован, однако ничего не мог поделать. Не смел нарушить дисциплину и выехал к месту назначения.

Паричский район считался в Белоруссии типичным сельскохозяйственным районом: никакой промышленности, кроме маленькой электростанции при мельнице и хлебопекарни. Прибыв в Паричи парходом по Березине, явился в дорожный отдел райисполкома, познакомился со своим начальником Николаем Головачем. Он рассказал, что никакого нового дорожного строительства отдел не ведет, а лишь наблюдает за мостами, профилирует грунтовые дороги.

Устроившись с жильем (снял угол у тещи своего начальника), я зашел в райком ЛКСМБ, чтобы встать на комсомольский учет. Секретарь райкома Лев Кучер – большой, грузный и уже немолодой мужчина – приблизился ко мне, хлопнул по спине рукой и сказал:

– Ты, Мазуров, мне нужен. У меня мало грамотных людей па селе. Ты знаешь, как проводить собрания?

– Знаю, – ответил я.

– Вот и политически ты подкован, а это важно. Поедешь в Кобыльщину. Это большая деревня, а коммунистов – три человека. Комсомольцы есть, но у них собраний не было уже полгода...

В Кобыльщине по совету парторга устроился у старушки, которая жила одиноко в старой, но просторной и чистой избе. Тэкля Никифоровна приняла радушно и все время, пока находился в деревне, заботилась обо мне, готовила еду, которая состояла в основном из щавелевой похлебки, именуемой просто щавель. Иногда хозяйка приносила с колхозного двора молоко. Я попросил кооператора отоварить мои продовольственные карточки в райцентре. Он привез муки, и Тэкля Никифоровна пекла хлеб, пироги со щавелем. Так мы и питались вдвоем. В ту весну, да и летом, повсеместно люди жили впроголодь.

В Кобыльщине оказалось много молодежи и 14 комсомольцев, в том числе две учительницы. Парторг помог собрать членов ВЛКСМ, открыл собрание,

предложил избрать меня секретарем ячейки. Проголосовали дружно. Парторг вскоре ушел, а мы до глубокой ночи беседовали...

Со многими проблемами столкнулся впервые. Помогали мне секретарь партячейки и работники политотдела МТС.

Секретарские дела не ограничивались политическими беседами с колхозниками, собраниями, выпуском стенной газеты, организацией вечеров самодеятельности. Часто приходилось работать в поле вместе с колхозниками. Это повышало авторитет, помогало исполнять свои основные обязанности. К осени я стал уже своим человеком в деревне и сам привык к людям, начал забывать о том, что прислан в дорожный отдел.

Работа в колхозе прервалась неожиданно. В один из дней сентября передали, что меня ждет в сельском Совете «дорожный начальник». При встрече он сказал, что приехал за мной и что меня ждут неприятности. Из Минска прибыл представитель и, узнав, что я тружусь в колхозе, возмутился и распорядился отозвать.

Приезжий отчитал меня за то, что я без разрешения оставил свою основную работу. До этого у него состоялся острый разговор с секретарем райкома партии. Они оба доложили по телефону начальству в Минск. Окончилось все тем, что в октябре 1933 года меня перевели на должность начальника дорожного отдела в Комаринский район. Там проработал до осени 1936 года.

Этот район расположен на юге Белоруссии, в междуречье Днепра и Припяти. Добрая половина полей при повышенном весеннем паводке заливалась водой, и большие деревни, расположенные на возвышенностях, выглядели островами среди разлившихся морем болот.

В Комарине меня ждала приятная неожиданность: техником в дорожном отделе работал мой товарищ по учебе Володя Олешкевич. Здесь по-прежнему по поручению райкома партии и райкома комсомола я занимался больше общественно-политической и хозяйственной работой в колхозах.

Подружился с секретарем райкома комсомола Александром Смирновым – выдвиженцем из рабочих Минского завода имени Мясникова, с местными ребятами Петром Кириленко, Матвеем Малкиным, Федором Клецковым и Николаем Чигирем, работавшими в отделах райисполкома и районной газете. Александр Смирнов, Петр Кириленко, Федор Клецков пережили войну. Смирнов и Кириленко вернулись с фронта инвалидами. Федор Клецков после войны работал в БЕЛТА, а вот Матвей Малкин и Николай Чигирь для меня потерялись.

В Комарине сосредоточилась группа довольно образованных людей. Так, заведующий районо Ермак и главный бухгалтер райфо Бобровский (к сожалению, не помню их имен и отчеств) окончили институты. Это были активные общественники. Они создали при районном Доме культуры, занимавшем новое, очень хорошее здание, интересный лекторий, драматический кружок, в который вовлекли и комсомольцев. Кружок ставил хорошие спектакли «Чужой ребенок», «Чудесный сплав», «Слава». Вдохновителем всех интересных затей являлся сек-

ретарь райкома партии Андрей Петрович Эльман. Это был образованный и культурный человек. Несмотря на занятость, он находил время для общения с интеллигенцией и с нами, комсомольскими активистами. Хорошо была организована политическая учеба актива. Ежемесячно к нам приезжали консультанты из Минска. Они устраивали собеседования, помогали разобраться в теории марксизма-ленинизма, которую мы изучали в соответствии с директивами ЦК ВКП(б) самостоятельно, исключительно по первоисточникам, по трудам Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Основное внимание партийный и комсомольский актив уделял работе в деревне. Обстановка оставалась сложной. Крестьяне окончательно уверовали в колхозы и трудились в общественном хозяйстве не покладая рук. Однако результаты были неважными. Стихийные бедствия 1932–1933 годов, наводнение после засухи подорвали и без того еще слабую экономику колхозов. Земли в Полесье, как известно, малоплодородные, минеральных удобрений тогда еще не имели, а навоза не хватало. Давал знать о себе острый недостаток техники, особенно тракторов...

В феврале 1935 года меня вызвали в Минск в Главдорупр и сказали, что с группой специалистов я командируюсь в Москву на строительство метрополитена. Неофициально сообщили, что после командировки и с учетом приобретенного опыта нас пошлют на сооружение укрепленных районов вдоль западной границы СССР. Меня включили в эту группу, видимо, потому, что занимался изысканиями в пограничной зоне в период учебы в техникуме. Очень обрадовался. Ведь до этого и мечтать не мог о том, чтобы трудиться в Москве, да еще на сооружении метро. Более престижной работы в то время, пожалуй, не было.

В Москве нас устроили в общежитии метростроителей на улице Кузнецкий Мост, 20. Работал на сооружении Киевского радиуса, на станции «Библиотека имени В. И. Ленина». По существу, мы проходили стажировку. Осваивали туннельные работы, их проектирование и исполнение. Совершенствовались в применении геодезических и других инструментов. Но в порядке приобретения практики приходилось работать и с отбойным молотком, и у подъемных механизмов.

Жизнь наполнилась весьма интересными событиями, встречами. Метростроители являлись самым многочисленным производственным коллективом столицы. Здесь собрались поистине самые лучшие силы нашей комсомолки, энтузиасты социалистического строительства. Мы были свидетелями и участниками грандиозного события – открытия первой очереди Московского метро. Оно состоялось 15 мая 1935 года.

Хватало времени и посмотреть Москву. Столица реконструировалась. Строилась улица Горького (в прошлом Тверская). Расширялось Садовое кольцо. Правда, некоторые москвичи жалели, что вырубались деревья на бульварах этой магистрали. Экскурсии в Кремль, Третьяковку и другие музеи, на заводы проходили как праздники. Побывал в Большом театре, где слушал «Князя Игоря» и смотрел «Лебединое озеро». В общем, активно приобщался к самой высокой культуре. Но в столице пришлось потрудиться лишь несколько месяцев. Группу расформировали, и нас отправили на старые места работы. Видимо, отпал вопрос

о строительстве новых укрепрайонов. Я вернулся в Комаринский район на ту же должность.

Положение в колхозах стало значительно меняться, исправлялись допущенные перегибы. А они были и в нашем районе. Улучшалась жизнь колхозников, возросла их активность в работе. В феврале 1935 года состоялся II Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Он принял новый Устав сельскохозяйственной артели. Это способствовало укреплению колхозного строя. Сельхозартели постепенно крепили организационно. Росло общественное хозяйство, поднималась урожайность культур, увеличивалось поголовье скота – и повышалось благосостояние крестьянства...

Осенью 1936 года после двухлетней отсрочки меня призвали в Красную Армию. Я принял это с большим удовольствием. Известно, что воинская служба – большая школа, и хотелось пройти ее. 5-й железнодорожный полк, дислоцировавшийся в Витебске, получил в том году молодое пополнение в основном за счет рабочей молодежи, но встречались красноармейцы и моего возраста, со средним техническим образованием. В полку я познакомился с М. В. Зимяниным, с которым вместе работал под руководством политрука Якова Ряднины в комсомольском бюро части. (Совместная работа... сдружил нас троих. – Из 1-го изд. – Сост.).

Вначале мы, молодые войны, участвовали в строительстве железных дорог Лепель – Орша и Тула – Сухиничи. Через два месяца полк вернулся в Витебск и началась нормальная армейская жизнь. После окончания полковой школы я стал помощником командира взвода. Вскоре меня направили на краткосрочные курсы военных сообщений в Ленинград, а затем был командирован в Могилев на должность стажера помощника военного коменданта Могилевского железнодорожного узла.

В августе 1938 года я пережил радостное событие – в полку меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Я, разумеется, готовился к вступлению в ВКП(б). По роду своей деятельности в последние годы перед призывом в армию привлекался к общественной и политической работе, выполнял отдельные поручения райкома партии, активно изучал труды основоположников марксизма-ленинизма, историю ВКП(б). Но в то время, когда я работал в районе, прием в ряды ВКП(б) был временно приостановлен. А когда он возобновился, не мог получить необходимые мне как служащему рекомендации членов партии с десятилетним стажем. В политорганах Витебского гарнизона и в полку нашлись такие коммунисты, и они поручились за меня. На всю жизнь запомнился радостный день, когда начальник политотдела вручил мне кандидатскую карточку.

Тем временем к весне 1937 года второй пятилетний план, как и первый, трудящиеся выполнили досрочно. В стране в основном завершились социалистическая реконструкция промышленности и коллективизация в деревне. Эксплуататорские классы были ликвидированы, выросло материальное благосостояние народа. Значительно повысилась оплата труда как рабочих, так и колхозников. Систему распределения продовольствия и товаров заменила открытая торговля, карточки отменили. Отныне люди покупали в магазине без карточек и талонов

продукты питания, одежду и обувь. Наша индустрия создала необходимые мощности, способные полнее удовлетворять насущные нужды людей в промышленных товарах, а коллективное сельское хозяйство после серьезных, революционных преобразований, благодаря механизации многих трудовых процессов обеспечило страну хлебом и другими продуктами, позволило создать необходимые резервы на случай войны и стихийных бедствий...

Однако в нашем обществе проявились и негативные явления, были допущены серьезные отступления от ленинских норм партийной и государственной жизни, грубые нарушения социалистической законности, связанные с культом личности Сталина. Безосновательно были репрессированы выдающиеся полководцы, политические деятели. Сложившуюся обстановку подозрительности использовали нечестные люди для осуществления своих карьеристских вождедений, выгод, сведения личных счетов...

Осенью 1938 года по окончании военной службы меня уволили из рядов Красной Армии в запас в звании младшего политрука. Вернулся в родной Гомель и получил назначение в аппарат политотдела Белорусской железной дороги. Работа интересная, хотя и беспокойная. Среди других дел приходилось много заниматься расследованием всякого рода необоснованных обвинений заслуженных работников, а также выдвижением молодых специалистов. Возросла ответственность политорганов на транспорте и во всех его звеньях, во всех парторганизациях. Навыкам организаторской и политической работы на производстве я учился у таких коммунистов, как начальник политотдела Александр Павлович Мурзин, секретарь парткома управления дороги Емельян Игнатьевич Барыкин, и других старых членов партии.

Вскоре произошло событие, изменившее мой жизненный путь: в июне 1939 года меня утвердили заведующим военно-физкультурным отделом обкома комсомола и направили в Москву на сбор при Военно-политической академии. В середине июля прибыл в военный лагерь. Моими коллегами по сбору являлись руководящие комсомольские работники из аппарата ЦК ВЛКСМ, республик и областей, сотрудники молодежной печати. Распорядок дня – армейский: изучение материальной части оружия и стрельба, основы тактики, политическая подготовка, а вечером – занятия спортом.

Нам читали лекции работники ЦК ВКП (б) и Коминтерна. В частности, на сборе выступали Георгий Димитров и один из организаторов Чехословацкой компартии Б. Шмераль. Деятели Коминтерна с тревогой говорили о том, что гитлеровская Германия может развязать войну против СССР.

Еще совсем недавно я думал о войне как о чем-то далеком и, скорее всего, невозможном. Здесь же, на сборе, понял, что война стоит у порога нашего дома.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. Польское буржуазное государство развалилось, правительство бежало в Лондон, оставив народ на произвол судьбы. В этих условиях СССР не мог остаться равнодушным к судьбам братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии, не

мог отдать его под фашистское иго. 17 сентября 1939 года Красная Армия перешла границу, в короткий срок освободила Западную Украину и Западную Белоруссию, взяла под защиту однокровных братьев и сестер, мечтавших о воссоединении в единой семье народов Советского Союза...

В марте 1940 года меня избрали секретарем Гомельского горкома ЛКСМБ. В городской комсомольской организации большинством составляла рабочая молодежь. Поэтому было естественно, что райкомы, особенно промышленных районов, возглавляли рабочие. Подбирая подходящего человека на пост секретаря Новобелицкого райкома ЛКСМБ, я через секретаря райкома партии С. И. Касьянова познакомился с Иваном Поляковым, сварщиком паровозоремонтного завода. Он являлся ударником на производстве, известным спортсменом и пользовался большим авторитетом среди молодежи. Нелегко было уговорить его дать согласие на избрание первым секретарем Новобелицкого райкома комсомола. Однако это его выдвижение состоялось. Мы хорошо сработались и стали друзьями.

Обязанностей у секретаря горкома много. Но главное – требовалось постоянно общаться с молодежью, находя для этого время между различного рода официальными мероприятиями, заседаниями и совещаниями. В нерабочие дни приходилось присутствовать на слетах, соревнованиях, семинарах.

Осенью 1940 года ЦК ЛКСМБ рекомендовал меня на работу в Брестский обком комсомола... На комсомольском пленуме меня избрали первым секретарем областного комитета ЛКСМБ.

И вот не прошло и года, а я вынужден оставить Брест, разбитый бомбами, горящий, улицы которого топчет враг.

В те первые ночи Великой Отечественной я о многом передумал, многое осмыслил заново, воссоздавал в памяти страницы своей жизни с детских лет и до начала войны, соотнося ее с жизнью моих сверстников, всего поколения, к которому принадлежал...

Мы не знали бытовых излишеств. Я, например, вплоть до окончания техникума не имел костюма. Брюки и рубашки обычно донашивались до дыр и только потом на смену им покупались новые. Обувь кожаной я не носил даже в техникуме, ходил, как и большинство, в парусиновых туфлях, которые ежедневно чистил мелом. Пальто мне заменила куртка, сшитая из старой шинели. Обучаясь в школе и техникуме, подрабатывал на жизнь – разгружал вагоны, носил кирпичи на стройке. Но, живя и работая в таких условиях, мы не были ограниченными людьми, угрюмыми аскетами. Молодежь любила жизнь, мечтала о лучших временах, приобшалась к культуре...

Нас интересовало будущее всего человечества. Мы были политиками с детства: клеймили позором Чемберлена еще на школьных собраниях и пионерских сборах, носили на демонстрациях чучела кровососов-капиталистов, чтобы вызвать всеобщее презрение к эксплуататорам. Мы с тревогой следили за бесчинствами фашистов в Италии и Германии, жестоко расправлявшихся с коммунистами, и с восхищением читали речи Димитрова на Лейпцигском процессе, клеймившего позором клику Гитлера...

1.2. Нашествие*

Так уж устроен человек: можно долго предчувствовать надвигающуюся беду, а когда она придет, кажется, что свалилась неожиданно. Такой внезапной бедой для нашего народа стала война. По-разному она вторглась в жизнь людей. Меня подняла с постели в четыре часа утра 22 июня 1941 года. Я досматривал какой-то сон. Не помню о чем, но что он был тревожный – это точно.

Проснулся от сильного грохота. Некоторое время продолжал лежать в постели. Потом встал и глянул в окно, выходящее на восток. В нем розовело чистое, голубое небо. Еще окончательно не сбросив с себя остатков сна, удивился, почему гром в такое ясное утро.

Опять раздался продолжительный грохот. Я подошел к другому окну и увидел над путями железнодорожного узла черно-серые, пыльные тучи, в которых сверкали багровые молнии.

И только тут дошло до моего сознания: война...

Несколько минут потребовалось, чтобы кое-как одеться. Поднял трубку телефона. Молчит. Тогда еще не знал, что примерно в 2 часа ночи в Бресте заброшенные через границу диверсанты и местная агентура фашистов вывели из строя телефонную связь, в том числе и со штабом армии, находившимся в Кобрине. Повсюду погас свет, перестал действовать водопровод.

Я направился в обком комсомола. Жители выбегали из домов, в тревоге спрашивая друг у друга: Что случилось?...

Я хотел вернуться на квартиру, чтобы прихватить свою кожанку. Предполагал, что ночевать придется в поле. Но до квартиры не добрался. Навстречу бежали возбужденные люди, а на перекрестке Советской и Московской улиц, где стоял наш дом, увидел, что солдаты в зеленых мундирах устанавливают станковый пулемет. Я едва успел забежать во двор, как пулеметная очередь прогремела вдоль улицы...

Хотя советские войска, размещенные вдоль западной границы, встретили удав превосходящего их численно и вооружением врага в неблагоприятных для них условиях, невиданная стойкость бойцов, командиров и политработников перечеркнула пунктуально рассчитанные по дням и по часам оперативные графики командования верхмата. Непревзойденным примером героизма явилась оборона Брестской крепости. Ее гарнизон около месяца сдерживал целую дивизию отборных фашистских войск. Мужественно сражались с захватчиками наши пограничники.

Примеров массового героизма личного состава Красной Армии в первые дни нашествия врага множество. Мужество и стойкость советских воинов, встретивших врага у границы, показали гитлеровцам, что их поход на Восток не будет похожим на войну, которую они вели в Западной Европе.

---

* Печатается с сокращениями по книге К. Т. Мазурова «Незабываемое». – Минск, 1984.

Прибыв в Барановичи (ночным поездом из Жабинки. – Сост.), я направился в обком партии и узнал, что руководство отбыло в Минск. Военком, занимавшийся призывом в армию и эвакуацией документов, рассказал мне о положении на фронте. Дела складывались плохо. С наступлением сумерек 24 июня двинулись из Барановичей на Клецк, Слуцк, Бобруйск...

Лежа в кузове и глядя в безоблачное темное небо, освещенное на западе заревом пожаров, я про себя размышлял. Гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну. Из всех бедствий и испытаний, включая неожиданные, стихийные, война является самым тяжким. Она требует от людей предельного духовного и физического напряжения, является проверкой их нравственной силы и стойкости. Война аморальна, она растлевает тех, кто развязывает ее или участвует в ней, исходя из корыстных целей, руководствуясь антигуманной человеконенавистнической идеологией. Но она возвышает и облагораживает тех, кто, проявляя героизм, ведет справедливую, освободительную борьбу, защищая свою Родину, ее свободу и независимость, свою честь и национальное достоинство...

Продолжая дальше размышлять, я подумал, что начавшаяся война – это противоборство не только социальных систем, но и экономических потенциалов обеих сторон. На СССР обрушились полчища фашистских псов, вооруженных ненавистью к нашему народу, социалистическому строю, ко всему советскому. Гитлер мобилизовал для этого мощь всей Европы. Однако наша страна уже не отсталая и нищая Россия, а могучий Советский Союз, спянный братской дружбой всех ее народов, объединенных партией, страна с могучей экономикой, высокоразвитой промышленностью, неисчерпаемыми источниками сырья, с обобществленным социалистическим сельским хозяйством. Сама структура народного хозяйства с его плановой экономикой и централизованным управлением как нельзя лучше отвечала задаче мобилизации всех сил и средств на отпор врагу.

Перед войной СССР по объему машиностроения – ключевой отрасли промышленности – занимал уже второе место в мире и первое в Европе, по выплавке стали, чугуна и производству электроэнергии – третье место в мире и второе в Европе, по добыче угля – четвертое место в мире и третье в Европе. Крепла и оборонная мощь страны... Что касается сельскохозяйственного производства, то при всех недостатках оно оказалось способным выдержать тяжелые испытания во время войны...

Все это – объективные факторы. Были еще и факторы субъективные: наши люди, наша молодежь. Выдержим ли мы? Я невольно примерял на себя, ибо являлся одним из тех, кто по возрасту должен принять известную долю испытаний, которые свалились на весь народ, и долю ответственности за выход из этих испытаний...

1.3. Отпор*

Обстановка на фронте все более осложнялась. После ожесточенных сражений в районе Минска, в которых особо отличилась 100-я дивизия генерала И.Н. Руссиянова, гитлеровцы захватили 28 июня столицу Белоруссии. Часть наших войск под напором врага отошла, а значительные силы 10-й и 3-й армий продолжали драться в окружении. Командование Западного фронте решило организовать оборону на Березине и Днепре. Но несмотря на упорное сопротивление наших войск, гитлеровцы форсировали Березину южнее Борисова и севернее Бобруйска и на линии Орша – Быхов подошли к Днепру. Завязались ожесточенные бои за Могилев.

Выполняя директивы ЦК ВКП(б), указания ЦК КП(б)Б и ЦК ВЛКСМ, 9 июля 1941 года Центральный Комитет ЛКСМБ принял постановление о подготовке к переходу комсомольских организаций Белоруссии на подпольную работу в районах, находившихся под угрозой фашистской оккупации. В нем говорилось, что во «всех оккупированных немецко-фашистскими войсками районах комсомольские организации переходят на нелегальное положение».

Для оказания помощи в организаторской работе на местах ЦК ЛКСМБ решил направить членов ЦК М.П. Барашкова в Витебскую область, Т.Н. Стрижака – в Гомельскую, М.К. Горбачева – в Полесскую, меня – в Вилейскую область. Все выехали по назначению вместе с представителями ЦК КП(б)Б. Но мне в Вилейскую область попасть не удалось...

Группа партийных работников (в ней находился и первый секретарь обкома комсомола В.А. Голярко) также пыталась вернуться в свою Вилейскую область, но ей туда проникнуть не удалось. Позже стало известно о некоторых жертвах, которые мы понесли, пытаюсь попасть в Вилейскую область...

После поездки по районам Могилевской области наша группа через Добруш направилась в Гомель. Мы доложили М.В. Зимянину о проделанном и включились в работу ЦК ЛКСМБ.

Центральный комитет КП(б)Б, находясь в Гомеле, продолжал заниматься вопросами перестройки народного хозяйства на нужды обороны. Многие сделали по эвакуации людей, промышленных предприятий...

...Если в западных областях БССР руководящие комсомольские органы были застигнуты войной врасплох и в большинстве эвакуировались, не создав подпольной сети и боевых формирований, то в восточных областях – Минской, Витебской, Могилевской, Гомельской, Полесской – в истребительные отряды, народное ополчение пошли буквально все комсомольцы, способные носить оружие, и не было недостатка в добровольцах-девушках для санитарной работы. Тысячи комсомольцев Минской, Могилевской, Витебской организаций остались в подполье и ведут под руководством парторганизаций

* Печатается с сокращениями по книге К. Т. Мазурова «Незабываемое». – Минск, 1984.

партизанскую войну. Комсомольцы Минского узла до конца дрались против фашистов и, истребив 60 человек, ушли в лес. Секретарь Червенского райкома ЛКСМБ тов. Кравченко собрал партизанский отряд 80–85 человек и остался в тылу врага.

Ведут партизанскую войну в тылу противника Слуцкая, Краснослободская, Любанская организации...

ЦК ЛКСМБ подбирал по поручению ЦК КП (б) Б группы комсомольцев для боевой работы в тылу врага. В Могилеве было подобрано 100 человек, в Витебске – 150, в Гомеле подобрано из комсомольцев Гомельской и Полесской областей до 400 человек добровольцев в отряды парашютистов. Комсомольцы, за редким исключением, самоотверженно шли и идут на выполнение боевых заданий партии...

5 августа секретариат ЦК ЛКСМБ проанализировал, как ведется подбор и направление в тыл врага организаторов комсомольского подполья в свете требований постановления ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 года, в котором подчеркивалось, что на оккупированную территорию следует посылать наиболее стойких руководящих партийных, советских и комсомольских работников, пришел к выводу, что из-за отсутствия опыта в этом деле допущены серьезные недочеты...

Бюро ЦК ЛКСМБ решило создать отдел подпольных комсомольских органов. И.М. Абугову и мне поручили заняться этой работой.

Главной заботой Центрального Комитета в то время являлось формирование подпольных обкомов, горкомов и райкомов комсомола. Этого не удалось сделать в каждой области до начала оккупации ввиду скоротечности военных действий. Только в Пинской, Полесской, Гомельской и Могилевской областях подпольные областные комитеты были сформированы. Кроме того, в восточных областях успели оставить районные подпольные комитеты или секретарей райкомов...

Наши задачи состояли в том, чтобы создать воюющее подполье, разжечь в тылу врага всенародную партизанскую войну против немецко-фашистских захватчиков. Комсомольские органы республики выполняли их, как и всегда, под непосредственным руководством парторганов. Структура тех и других в подполье строилась одинаково, да и размещались они, как правило, вместе, на одних и тех же партизанских базах.

Наряду с созданием комсомольского подполья, отправкой на оккупированную врагом территорию партизан ЦК и обкомы ЛКСМБ провели большую работу по формированию истребительных отрядов и полков народного ополчения, которые превратились в полноценные воинские подразделения. Комсомольцы и молодежь составляли в них большинство. В ходе обороны Могилева, Витебска, Гомеля истребительные отряды и подразделения народного ополчения упорно сражались бок о бок с кадровыми частями Красной Армии и не раз отличались в боях. Уже 26 июля 1941 года ЦК ЛКСМБ пред-

ставил к награждению группу комсомольцев истребительных отрядов Полеской и Гомельской областей. Они удостоились орденов и медалей. Некоторые истребительные отряды и подразделения народного ополчения в последующем перешли к партизанской борьбе, другие влились в ряды регулярной Красной Армии...

Партизанское движение росло и ширилось по всей оккупированной территории. Возникла потребность в централизованном оперативном руководстве им. Необходима была координация деятельности парторганов в создании партизанских отрядов и проведении боевых действий, в организации взаимодействия с частями Красной Армии, обеспечении оружием, боеприпасами, медикаментами, литературой. Государственный Комитет Оборона 30 мая 1942 года принял решение создать при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) и утвердил его начальником П.К. Пономаренко. Позднее были созданы региональные штабы партизанского движения, в том числе Белорусский (его начальником стал П.З. Калинин).

В конце августа 1942 года в ЦШПД состоялось совещание партизанских руководителей. Их затем принял Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин. На основе материалов этого совещания 5 сентября 1942 года был издан приказ наркома обороны СССР «О задачах партизанского движения», в котором подчеркивалось, что оно должно стать всенародным, и определялись основные направления боевой деятельности народных мстителей. В частности, обращалось внимание на усиление боевых действий в городах, рекомендовалось создавать скрытые партизанские резервы. Этот приказ стал конкретной программой деятельности подпольных партийных и комсомольских органов, партизанского командования...

Беспокоясь о судьбе родных, я написал письмо (из г. Горького, где после ранения учился) в ЦК ВЛКСМ на имя М.В. Зимянина, полагая, что он находится в Москве. Попросил его выяснить адрес матери, брата и сестры...

М.В. Зимянин ответил на письмо. Завязалась, хотя и не регулярная, переписка. Однажды он сообщил, что навел справки: мои родные находятся в Барнауле, брат и сестра работают на заводе. Так с помощью Михаила Васильевича разыскал семью и установил с нею связь.

С курсов «Выстрел» в августе 1942 года я был откомандирован в Москву. Прибыл в Главное Политуправление РККА. Но оказалось, что нужно явиться в ЦШПД к П.К. Пономаренко. Прежде чем пойти туда, разыскал Центральный Комитет комсомола Белоруссии, встретился с М.В. Зимяниным. Мы оба были рады встрече. Михаил Васильевич сообщил, что по просьбе П.К. Пономаренко ГлавПУ выявляет среди фронтовиков бывших руководящих работников республики для использования на работе в тылу врага. Он тут же по телефону доложил П.К. Пономаренко о моем прибытии.

Через некоторое время Пантелеймон Кондратьевич принял нас с М.В. Зимяниным. Он спросил:

– Что вы делали с момента ухода на фронт?

Я рассказал о своей военной службе. П.К. Пономаренко внимательно слушал. Беседа приняла задушевный характер. Не обошлось без воспоминаний о первых неделях войны. Потом Пантелеймон Кондратьевич рассказал о положении на оккупированной белорусской земле. Он предложил мне, не откладывая, с ближайшей оказией вылететь в тыл врага, на базу Минского подпольного обкома партии.

– Вы полетите не только как секретарь ЦК ЛКСМБ, – подчеркнул Пантелеймон Кондратьевич, – но и как представитель Центрального штаба партизанского движения...

– Вам поможет фронтовой опыт, – заметил П.К. Пономаренко.

Лучше бы он не напоминал об этом.

Таким был тяжелым опыт боевой командной и политической работы, приобретенный мной за первый год войны... (См. §2.3. – Сост.).

Итак, лечу в тыл врага.

Время, которое я находился в Москве – чуть более месяца, почти все ушло на организационную работу. Ею занимался весь небольшой аппарат ЦК ЛКСМБ. На личную подготовку к предстоящей партизанской деятельности оставалось мало часов. Тем не менее еще успел ознакомиться с Москвой, даже побывал в театре. Жизнь в столице протекала нормально. Москвичи были жизнерадостны и спокойны. Тяжелые испытания остались позади. В поведении людей чувствовалась уверенность, что пережитое уже не повторится, хотя враг еще находился сравнительно недалеко. На юге же страны наши войска вели ожесточенные бои с наступающими гитлеровцами...

Было тревожно. Потеря Сталинграда могла отразиться на всем ходе войны. Если бы фашистам удалось захватить его, вряд ли наши войска удержали бы Кавказ. Страна лишилась бы нефти. Создалась бы новая обстановка, которая потребовала бы иных решений для снабжения промышленности и армии горючим. И наше руководство, и командование, и все участники Сталинградской битвы понимали, что сдавать город нельзя. Они делали все, чтобы отстоять цитадель на Волге.

Думая об этом, я невольно переносился мыслями в окопы Сталинграда, оценивал его защитников, сравнивал их с нашими воинами 1941 года и приходил к выводу, что они лучше подготовлены к борьбе. И генералы, и командиры, и красноармейцы обогатились не только опытом оборонительных боев начального периода войны, но и опытом блестяще осуществленной Красной Армией операции по разгрому гитлеровцев под Москвой. Но все же опыт – опытом, а выдержат ли теперь? Справятся ли со страшными испытаниями, выпавшими на нашу долю летом и осенью сорок второго?

Все эти мысли не могли не тревожить и меня, когда я летел на запад, в неведомое. В кармане лежало удостоверение за подписью начальника ЦШПД. Его вручил мне накануне вылета в тыл врага 30 сентября 1942 года

Петр Андреевич Абрахимов, работавший в то время помощником П.К. Пономаренко. В документе значилось, что я командуюсь до особого распоряжения в группу партизанских отрядов Минской, Полесской, Пинской и Барановичской областей со специальным поручением.

К этому времени ЦШПД превратился в единый центр связи с партизанскими соединениями всех оккупированных районов страны, управления ими, координации их действий. Он укрепил кадры формирований народных мстителей за счет отправки в тыл врага командиров Красной Армии, военных специалистов. Подпольные партийные органы и штабы партизанских соединений получили надежные средства радиосвязи.

Наладилось обеспечение боеприпасами, для чего широко использовалась авиация. Представилась возможность проводить силами партизан согласованные с действиями фронтов крупные боевые операции против оккупантов. Словом, партизанское движение начинало превращаться в мощный фактор стратегического значения...

(Активным участником этих операций стал Кирилл Трофимович Мазуров. Его фронтовые дни и ночи начались 27 августа 1941 г., а партизанские – в октябре 1942 года. Возвратившись в Москву 31 октября 1943 года, Кирилл Трофимович выехал «специальным поездом» в Гомель в конце ноября 1943 года. – Сост.).

1.4. Восстановление*

Конец третьего года войны ознаменовался для советского народа радостными событиями: Красная Армия вышла на большом протяжении фронта к нашим западным границам. Для трудящихся Белоруссии эта радость была еще более светлой – республика полностью освобождена от немецко-фашистских поработителей.

Однако картина разоренной фашистами Белоруссии вызывала и глубокую скорбь. Города и деревни – в руинах. Около 3 миллионов жителей – без крова. Разграблено имущество колхозов, совхозов, МТС. Разрушено и сожжено 100 тысяч производственных сооружений, тысячи школ, больниц, объектов культуры. Посевные площади сократились более чем на половину, громадный урон понесло животноводство.

Думаю, даже для тех, кто этого не видел воочию, приведенные данные представляются катастрофическими. Но я все это видел, когда уходил па восток в начале войны и воевал в тылу врага, когда с частями наступающей Красной Армии летом 1944 года двигался по освобождаемой от врага территории из Гомеля до столицы республики.

Минск лежал в развалинах. Они еще дымилась. То, что сохранилось в городе после варварских бомбардировок 24 – 25 июня 1941 года, гитлеровцы уничтожили отступая. В центре, где до войны было более ста крупных многоэтажных жилых общественных зданий, уцелело их, может, с десятков, да и те враг заминировал.

Республика лишилась более половины своего национального богатства. Но самая тяжелая утрата – потеря людей. Погиб каждый четвертый. Сколько было погребено, сколько сожжено талантов – квалифицированных работников промышленности и сельского хозяйства, специалистов, ученых, деятелей искусства и просвещения, врачей; сколько утрачено потенциальных сил народа для будущего! Кто бы подсчитал эти невозполнимые потери! Сердце сжималось от боли при одном виде родной земли, разоренной варварами XX века.

1 января 1944 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О ближайших задачах СНК БССР и ЦК КП(б)Б». Перед правительством республики выдвигалась программа действий, определялись неотложные задачи руководящих партийных и советских органов в связи с началом освобождения территории Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов. Из союзного бюджета на восстановление народного хозяйства и культуры выделялось около 1,7 миллиарда рублей. РСФСР и другие республики прислали более 50 тысяч единиц промышленного оборудования, десятки тысяч автомобилей, тракторов, медицинское оборудование и лекарства – всего не перечислить.

Братские народы делились с нами всем, что имели.

Не сидели сложа руки и сами белорусы. Ядром руководящих партийных и

* Печатается с сокращениями по книге К.Т. Мазурова «Незабываемое». – Мн., 1987.

комсомольских органов стали подпольные областные, городские и районные комитеты. После освобождения республики они вышли из подполья и приступили к работе в мирных условиях. В их состав, а также в состав советских и административных органов вошли 53 тысячи бывших партизан. Большую помощь оказал нам ЦК ВКП(б), направив в 1944 году из восточных областей страны на работу в Компартию Белоруссии 429 опытных партийных работников.

Секретарями ЦК ЛКСМБ после освобождения республики были М.В. Зимянин, В.И. Лузгин, В.И. Ливенцев, В. И. Филиппова и я. На работу в Польский штаб партизанского движения был направлен С.О. Притыцкий. Ф.А. Сурганова перевели в аппарат ЦК КП(б)Б, А.М. Черникова вернулась к педагогической деятельности. Первыми секретарями обкомов, горкомов и райкомов ЛКСМБ были в основном те же, кто возглавлял подпольные комитеты.

Распределение обязанностей между секретарями ЦК являлось в известной мере условным, но все же некоторое разделение ответственности было. Например, М.В. Зимянин, помимо общего руководства, сосредоточился на идеологической работе. Я в основном занимался вопросами участия комсомола в производственной жизни, В.И. Лузгин – внутрисоюзной работой, В.И. Филиппова – школами и пионерским движением. Небольшому аппарату ЦК – у нас было сотрудников 30 – приходилось работать много, причем почти все свое время мы проводили на местах, неделями не бывая дома. Дней отдыха тогда ни кто не имел. Транспортных средств в ЦК не было. Имелись, правда, две трофейные машины, но их использовали в основном в Минске, так как для дальних поездок они не годились. Всем выезжавшим на периферию приходилось добираться от железнодорожных станций до места назначения на попутках или пешком.

Скромными были условия и для работы, и для жизни. Прибыв в Минск 4 июля 1944 года вслед за передовыми частями Красной Армии, мы с Ф.А. Сургановым нашли на берегу Свислочи, напротив парка, уцелевший небольшой двухэтажный дом с разбитыми окнами и дверьми. Закрепили его за ЦК ЛКСМБ, натаскали в него из соседних полуразрушенных зданий разнородной мебели и попросили военных поставить пост. Переночевали здесь же, на столах. На другой день продолжили розыск жилья. Вблизи железнодорожной станции Минск-Восточный в районе улицы Пулихова, обнаружили три двухэтажных, барачного типа, здания; в них во время войны располагалось какое-то подразделение оккупантов. Дома эти тоже оказались пустыми, но над ними по крайней мере имелись крыши, и мы также закрепили их за собой в качестве жилья для сотрудников ЦК.

Через несколько дней наш комсомольский штаб прибыл из Гомеля. Распределились по комнатам, жили, как и раньше, «коммуной».

После освобождения произошли большие изменения в численном составе комсомольских организаций республики. Основная часть членов ВЛКСМ – бывшие партизаны и подпольщики (более 50 тысяч человек) – ушла

в действующую Красную Армию. Опытные бойцы, они, как правило, направлялись в разведывательные подразделения. Многие из них затем отличились в боях за освобождение Польши, в битве за Берлин.

К концу июля 1944 года, после расформирования партизанских отрядов, в ЛКСМБ осталось немногим более 20 тысяч комсомольцев. Правда, в том же году из восточных областей страны, а также из действующей армии по ранению прибыло еще около 20 тысяч членов ВЛКСМ. Но все равно республиканская организация была малочисленной, и перед нами стояла задача усилить рост ее рядов. Вышедшие из подполья и вновь созданные комитеты сразу же развернули работу по вовлечению молодежи в комсомол. Однако сеть первичных организаций оставалась еще редкой.

Тогда мы направили в деревни комсомольских организаторов. Они выявляли наиболее подготовленных ребят, давали им наряду с местными коммунистами рекомендации, и райкомы принимали их в ряды ВЛКСМ прямо на своих заседаниях. До конца года таким образом приняли 28 400 человек. Кроме того, райкомы восстановили в правах членов ВЛКСМ более 10000 бывших комсомольцев. На оккупированной территории они вели себя как патриоты, хотя и не значились ни в списках партизанских отрядов, ни в подпольных ячейках.

К концу 1944 года в рядах комсомола Белоруссии насчитывалось уже около 70 000 человек. В большинстве своем это были девушки.

Вскоре в Минске с согласия ЦК ВКП(б)Б открылась двухгодичная партийная школа, куда наряду с коммунистами направили комсомольских работников. ЦК КП(б)Б придавал большое значение учебе способных молодых организаторов, всемерно поощрял тех, кто хотел учиться.

А кто же из членов ВЛКСМ, том более руководящих работников не хотел этого? Я сам всю войну мечтал о продолжении своего специального образовании. С самой юности моей голубой мечтой была учеба в Московском институте инженеров транспорта: любил потомственную для пашей семьи профессию железнодорожника. Но в институт не пустили. Осенью 1943 года (не по моей инициативе) рассматривался вопрос о том, чтобы направить меня в дипломатическую школу. Однако не направили, так же, как потом не отпустили и на дневное отделение в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

Пришлось учиться в ней заочно. (ВПШ окончил в 1947 году. – Сост.).

Между тем лозунг «Комсомол – за учебу!» был подхвачен, и в 1944/45 учебном году первые курсы институтов и техникумов заполнили в основном члены ВЛКСМ.

Сели за парты и руководящие работники. В следующем году уже 156 комсомольских работников учились заочно в университетах и институтах, 97 – в педучилищах, 341 – в вечерних университетах марксизма-ленинизма, 85 – в школах партийного актива. В ВПШ при ЦК ВКП(б) направили 26 секретарей обкомов ЛКСМБ.

Забота ЦК КП(б)Б о повышении образования комсомольцев, в первую

очередь руководящих кадров, меры, принимаемые в этом деле ЦК ЛКСМБ, принесли хорошие плоды. Почти все секретари обкомов военной поры, большинство секретарей горкомов и райкомов ЛКСМБ окончили Высшую партийную школу или вузы. Таким образом, белорусская партийная организация через 4–5 лет после освобождения республики получила многочисленный резерв кадров организаторов со специальным образованием.

В будущем это позволило соблюсти преемственность в выдвижении на различные руководящие посты хорошо подготовленных специалистов, прошедших школу комсомольской работы.

Как только осенью 1943 года был освобожден ряд районов Белоруссии, по призыву военного командования трудящиеся республики вышли на восстановление коммуникаций – путей подвоза грузов к фронту. Заново отстраивать шоссейные и железнодорожные мосты отправились свыше 3 тысяч комсомольцев. ЦК ЛКСМБ одобрил, инициативу комсомольцев Гомельского железнодорожного узла по организации молодежных бригад по участкам и единой узловой комсомольской молодежной смены на Белорусской железной дороге.

После освобождения Минска в сохранившихся помещениях авиаторных мастерских был организован ремонт боевых самолетов, а в уцелевших корпусах станкостроительного завода имени К. Е. Ворошилова – танков. Передовиками этих производств являлись комсомольские бригады Старченко и Хмары.

Юноши и девушки занимались сбором средств в фонд обороны, на создание авиаэскадрильи и танковой колонны, отправляли воинам патристические письма, посылки с подарками.

Мы проводили также работу по обеспечению безопасности людей, укрепляли социалистический правопорядок в городах и деревнях. Дело в том, что вследствие стремительного наступления Красной Армии в тылу Белорусских фронтов остались остатки разбитых немецких воинских частей. Не успели унести ноги и разного рода пособники оккупантов. Они объединялись с вооруженными бандами украинских и польских националистов и укрываясь от ответственности, терроризировали советский партийный актив.

Это были далеко не безобидные группы. От злодейских рук бандитов в западных областях республики погибло несколько десятков активистов, среди них секретари райкомов партии, председатели райисполкомов и сельсоветов, секретари парторганизаций. В поездки по районам, где укрывались бандиты, руководящие работники брали с собой оружие и нередко при внезапном нападении применяли его. Об одном из таких случаев напомнила мне в 70-х годах в письме М. М. Самарина. Наша группа (секретарь Телеханского райкома партии Перов, военком Бурыкин, комсомольский работник Самарина и я) направлялась по делам в один из сельсоветов. В лесу нашу машину обстреляли. Мы ответили огнем из автоматов. Бандиты бежали. Мария получила тогда легкое ранение в ногу, В письме она вспоминает, как испугалась и как успокоило ее мое шутовское замечание: «Комсомол, выше голову и не дрожать!»

Еще 14 июня 1944 года ЦК КП(б)Б принял постановление об истребительных батальонах. Они создавались в каждом освобожденном районе из числа бывших партизан, в основном коммунистов и комсомольцев. Всего в таких батальонах было более 16 тысяч бойцов. Командовали ими начальники районных управлений НКВД и военкомы, заместителями по политчасти назначались секретари райкомов партии. Только в июле 1944 года истребительные батальоны уничтожили в боях более 2 тысяч фашистов и их пособников, не пожелавших сдаться, а свыше 22 тысяч немецких солдат п офицеров взяли в плен.

К концу 1944 года истребительные батальоны, выполнившие свою задачу, были упразднены. Они сохранялись на некоторое время только в южных районах Пинской области, где продолжали действовать вооруженные банды украинских националистов – бандеровцев, и в северных районах Гродненской области, где терроризировали население остатки буржуазных националистов и немецких пособников. К весне 1945 года бандитизм в республике (в западных районах позднее) был ликвидирован, хотя мелкие группы и одиночки еще укрывались и иногда творили свое черное дело.

Работой по оказанию помощи фронту, военному обучению молодежи и мобилизации ее в действующую армию, оказанию помощи военным комиссариатам и органам НКВД в обеспечении общественной безопасности в ЦК комсомола занимался В. И. Ливенцев. Для бывшего партизанского комбрига выдвижение на пост секретаря ЦК ЛКСМБ явилось неожиданным, и вначале ему было нелегко. Но В.И. Ливенцев обладал необходимыми качествами руководителя и быстро «вписался» в наш коллектив. Хорошо справляясь со своими непосредственными обязанностями по военным делам, он четко выполнял и другие поручения бюро ЦК ЛКСМБ и ЦК партии, проявляя при этом инициативу и оперативность.

Известно, что полностью республика была освобождена в июле 1944 года. На подготовку мест для занятий (учебы детей) оставалось два-три месяца. До войны в Белоруссии работали 13 тысяч школ. В них обучались 2,5 миллиона детей. Оккупанты сожгли и разрушили 6808 школьных зданий. По призыву ЦК ЛКСМБ комсомольские организации вовлекли и работу по восстановлению школ широкие массы молодежи, оказав большую помощь Советам и органам народного образования. В 1944/45 учебном году почти все дети школьного возраста во всех уголках республики занимались в новых, восстановленных или приспособленных помещениях. Учебники, тетради, письменные принадлежности прислали в Белоруссию братские республики. Только из РСФСР в том году мы получили 1200 тысяч учебников и свыше 3 миллионов тетрадей. Москва отпечатала для белорусских школ 27 названий учебников тиражом в миллион экземпляров.

Трудно переоценить приведенные факты. Размышляя сейчас об этом, не перестаешь удивляться, как быстро, всем миром, решались многие труднейшие проблемы послевоенной жизни, в том числе и проблемы восстановления работы школ.

В 1944/45 учебном году в республике работало уже около 10 тысяч школ. В них обучалось более 1,3 миллиона детей. Правда, из их числа в 5–7-х классах занималось лишь 164 тысячи, а в 8–10-х – только 17 тысяч человек. Какой ничем не измеримый ущерб нанесли Белоруссии немецко-фашистские оккупанты!

Восстановительные работы, в том числе жилищное строительство, развернулись в республике с осени 1943 года. Уже тогда нашла поддержку инициатива советской патриотки из Сталинграда А. М. Черкасовой о создании строительных бригад. В Гомеле директор школы А.П. Беленкова, воспитательница детских яслей А. И. Панькова и домохозяйка З.Г. Азарова при поддержке партийных организаций сформировали первые черкасовские бригады. После освобождения всей республики это движение стало делом молодежи. В 1943–1944 годах в Белоруссии работали 735 комсомольско-молодежных строительных черкасовских бригад. В них насчитывалось 14 тысяч человек.

25 мая 1944 года ЦК ВЛКСМБ провел в Гомеле совещание руководителей этих бригад. Оно приняло обращение ко всем молодым строителям развернуть социалистические соревнования на восстановительных работах. ЦК комсомола совместно с наркоматами утвердил 7 переходящих Красных знамен для награждения передовых бригад. При подведении первых итогов лучшими были признаны бригады Прокopcца и Зубарева, работавшие на восстановлении завода «Гомсельмаш».

Юноши и девушки Белоруссии активно трудились не только у себя дома. По призыву ЦК ВЛКСМ 8 тысяч комсомольцев ЦК ВЛКСМБ направил на восстановление Сталинграда; 5 тысяч добровольцев (из них 1000 членов ВЛКСМ) работали на заготовках крепежного леса для шахт Донбасса.

Сельские комсомольские организации по призыву ЦК КП(б)Б включились в строительство домов так называемой «толокой» (старинный способ возводить жилье совместно, всем миром по очереди, при этом преимущество отдавалось семьям, потерявшим кормильцев, инвалидам, вдовам и т. д.).

За время с момента освобождения республики до лета 1945 года для семей фронтовиков и партизан было отремонтировано в городах и районных центрах более 45 тысяч квартир, а в сельской местности построено около 55 тысяч новых домов.

Во всех белорусских городах начались градостроительные работы. Особенно активно развернулись они в Минске. Им предшествовали дискуссии. Некоторые руководящие товарищи, а также и архитекторы склонялись к тому, чтобы построить столицу республики на новом месте. Назывался, например, Борисов. Говорили, что строительство нового города обойдется дешевле. Аргументы были вескими. Дескать, в богатой водными ресурсами Белоруссии все крупные города возникали на берегах многоводных рек, а столица стоит на речушке Свислочь, город снабжается водой из артезианских скважин.

Однако возобладало мнение сторонников восстановления разрушенного города. Оно разделялось прежде всего самими жителями столицы. Всегда

жалко покидать родное гнездо, даже разрушенное. А ведь Минск – колыбель многих и многих поколений белорусов. Впервые он упоминается в «Повести временных лет» (1067 год), затем как крупный город славян-кривичей – в «Слове о полку Игореве». Да и в новые времена он был центром революционных и культурных ценностей народа.

Взвесив все это, ЦК КП(б)Б принял решение о создании генеральной схемы восстановления столицы. Была организована архитектурно-планировочная мастерская. В Минск пригласили видных архитекторов страны.

3 октября 1944 года П. К. Пономаренко выступил перед партийным и советским активом Минска с докладом о восстановлении столицы и превращении ее в соответствии с разработанными планами в один из самых красивых и благоустроенных городов страны. Тогда многие сомневались в осуществлении этих планов. Но сомневающиеся ошиблись. Генеральный план Минска, впоследствии дважды дополнявшийся, осуществлен, и столица Белоруссии уже в 50-е годы стала поистине одним из красивейших городов Советского Союза.

Восстанавливать город было не просто. Гитлеровцы превратили Минск в развалины. После освобождения в нем проживало только около 60 тысяч жителей, то есть в четыре раза меньше, чем до войны. Жили они в уцелевших деревянных домишках на окраинах, в подвалах среди развалин в центральной части города.

В октябре 1944 года, поддержав инициативу общественных организаций, городской Совет вручил трудящимся личные книжки добровольного и безвозмездного участия в благородном деле восстановления. В этих документах, которые теперь являются реликвиями своего времени, записаны тысячи часов бесплатного труда в свободное от основной работы время. В моей книжке тоже значились сотни часов, отданных восстановлению столицы, расчистке развалин, выборке и складированию кирпичей, которые были тогда особенно дефицитными...

Уже в июле 1944 года ЦК ЛКСМБ объявил призыв молодежи на строительство автомобильного завода (на базе авторемонтных мастерских). Прибыли тысячи молодых добровольцев. Мне пришлось непосредственно заниматься этой стройкой – доставать палатки, организовывать краткосрочную подготовку рабочих-строителей, налаживать их быт и т. п. Вместе с уполномоченным ЦК КП(б)Б М.Р. Решетяном я дни, а иногда и ночи проводил на стройке, что называется, влезал во все проблемы создаваемого предприятия. Опирались мы на коммунистов и комсомольцев, бывших партизан, среди которых был и ставший впоследствии директором крупнейшего в стране объединения «БелавтоМАЗ» Герой Социалистического Труда Иван Михайлович Демин.

Здания бывших мастерских восстановили быстро.

С помощью Горьковского автозавода, направившего в столицу Белоруссии группу квалифицированных рабочих и специалистов, а также комплектующие детали и оборудование, коллектив строящегося Минского автозавода

уже к 27-й годовщине Октября, то есть к ноябрю 1944 года, собрал и отправил на фронт 50 новых грузовых автомобилей. Лучшей па заводе была комсомольско-молодежная бригада сборщиков члена ВЛКСМ Демьяненко, Ежедневно она выполняла по три нормы.

Молодежь сооружала автозавод и по мере завершения монтажа овладевала рабочими профессиями. На этом, да, впрочем, и на всех других строящихся и восстанавливаемых предприятиях создавались школы ФЗО, широко практиковалось индивидуальное ученичество. Молодые строители направлялись для обучения на действовавшие заводы за пределами республики...

В том же сорок четвертом в Минске развернулось строительство тракторного и велосипедного заводов, восстанавливались радиозавод, станкостроительные заводы имени С. М. Кирова и имени К. Е. Ворошилова. Ранней весной 1945 года в столицу прибыла новая многочисленная армия молодежи...

Напряженно работала молодежь на восстановлении и строительстве промышленных предприятий Гомеля, Витебска, Могилева, Орши, Бобруйска, Волковыска, Гродно и других городов республики. Возглавляли ее надежные помощники партии – комсомольцы.

К концу 1944 года в республике было восстановлено более 3 тысяч объектов промышленности, транспорта и связи, они давали необходимую людям продукцию, работали на нужды фронта.

Масштабы восстановительных и строительных работ, а также промышленного производства возрастали, а рабочих рук, особенно квалифицированных, не доставало.

Руководящие комсомольские органы, помогая партийным организациям, занимались и профессиональным обучением молодежи.

Привлекая молодежь к восстановительным работам, партия и правительство не забывали об устройстве быта ее, в первую очередь подростков. Помимо стройматериалов, оборудования, транспортных средств страна направляла в БССР эшелоны с хлебом, продуктами питания, одеждой. За 10 месяцев 1944 года в республику прибыло 500 эшелонам с одеждой и продовольствием, посланных трудящимися братских республик. И все же из-за низкой квалификации многие юноши и девушки зарабатывали мало. Зачастую зарплаты хватало лишь на то, чтобы выкупить продовольственный паек. Гардероб молодых рабочих состоял в основном из спецодежды, выдаваемой на предприятии. Недоедание и высокая трудовая нагрузка приводили к различным заболеваниям...

На освобожденных хозяйствах (на селе) не было ни тракторов, ни сельскохозяйственных машин, ни живого тягла, ни автомобильного транспорта.

Тракторы, сельскохозяйственные машины, скот, семена, присланные другими республиками и выделенные из государственных резервов, были неценной помощью Белоруссии, особенно сразу после освобождения. Но эта братская помощь не могла избавить полностью от проблем. Крестьянам самим требовалось их решать. Предстояло убрать урожай 1944 года, сохранить его,

посеять озимые, подготовить семена и инвентарь к весеннему севу 1945 года. В то же время надо было возводить жилые дома, выводить людей из землянок, создавать общественное животноводство, строить скотные дворы.

Как выходили из этих трудностей?

Убирали хлеба вручную, серпами, молотили цепами, как встарь; приучали коров впрягаться в телеги, таскать плуги и бороны. Буренки, у кого они сохранились, должны были не только давать молоко, но и работать на общественной пашне. Во многих же хозяйствах и их не хватало. Женщины, эти великие труженицы, героини, сами впрягались в плуги, в бороны и телеги, таскали их на себе.

Чтобы представить себе, как работали в последний военный год сельские труженики освобожденных от гитлеровцев районов, достаточно вдуматься в такие факты. Хотя в весенних полевых работах в 1945 году участвовала примерно половина довоенного числа колхозников, план сева выполнили. Было засеяно яровыми культурами почти 70 процентов посевных площадей. При этом 158 тысяч гектаров общественных земель колхозники вспахали под весенний сев вручную. Из-за недостатка транспорта они же весной 1945 года перенесли на себе от железнодорожных станций на расстояние в среднем до 20 километров 700 тысяч пудов пристанных в Белоруссию семян.

Во всей этой напряженной работе участвовали и члены ВЛКСМ. Уже в 1944 году развернулось социалистическое соревнование комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая. В среднем они убрали зерновых по 14 центнеров с гектара.

Оккупанты уничтожили в сельской местности свыше 1200 тысяч построек, в том числе 415 тысяч жилых домов. Восстановление белорусской деревни потребовало огромных усилий всего народа и заняло не один год. ЦК ВЛКСМ призвал комсомольцев и молодежь подключиться к заготовкам леса, восстановлению кирпичных заводов, строительству жилых домов, производственных и культурных сооружений. К весне 1946 года на селе было построено и восстановлено 193 тысячи жилых домов. В них вселилось около 225 тысяч семей, проживавших до того в землянках.

Комсомольцы избирались председателями сельских Советов, работали председателями колхозов и бригадирами, заведовали животноводческими фермами...

Тем временем окончилась трудная зима 1944/45 года. Весна была бурной, и уже к середине апреля зазеленела земля всходами озимых, а луга травами. С хорошим настроением люди готовились отметить впервые за четыре года праздник международной солидарности трудящихся – 1 Мая.

Праздник еще более светлел перед надвигавшимся грандиозным событием. Дух великой Победы как бы витал в воздухе. Люди пребывали в состоянии радостного ожидания близкого конца войны.

В таком ожидании пребывал и я до ночи на 9 мая. Едва уснул, как раз-

будили крики на улице и автоматная трескотня. Невольно в сознании промелькнуло воспоминание о первом дне войны в Бресте в июне 1941 года. Но открыл окно – увидел полуодетых, возбужденных, ликующих людей.

Победа!

Потеряв сдержанность, я тоже выпустил в небо всю обойму из пистолета. Весь город гудел радостными криками, гудками паровозов. Стрельба доносилась отовсюду. Спать уже никто не мог. Я оделся и пошел в ЦК ЛКСМБ. Там вскоре собрались все работники. Провели что-то вроде торжественного митинга. Затем кто-то сел за пианино, стали петь песни. Появился аккордеон. Все наши серьезные молодые люди, среди них и секретари ЦК, пели, танцевали.

Народное ликование продолжалось до позднего вечера. Впервые за четыре года на улицах Минска, еще во многих местах заваленного битым кирпичом, вспыхнула иллюминация электрических огней.

Руководители ЦК ЛКСМБ получили приглашение на прием, который давало правительство республики по случаю Победы. П.К. Пономаренко поздравил присутствующих, сказал, что так же успешно, как Красная Армия завершила войну, мы должны решить задачу восстановления.

Возвращался я с приема один, и пока шел к себе в холостяцкую квартиру, день за днем, месяц за месяцем вспоминал свою жизнь за все четыре года войны. Голова кружилась от ощущения радости, что наконец кончилась эта страшная кровопролитная бойня. А сердце жгла боль памяти о павших: о двух моих старших братьях, погибших на фронте, о дяде, расстрелянном фашистами, о всех тех 20 миллионах советских людей, которые погибли в той страшной войне. О них невозможно забыть. Нельзя забыть!

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке